Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература

№ 4(4)/2020

Главный редактор
Л.П. Клобукова, д.п.н., профессор, член-корреспондент РАО, академик МАНПО, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова

Редакционная коллегия
И.Б. Авдеева, д.п.н., профессор, действительный член Петровской Академии наук и искусств, МАДИ
Э.Г. Азимов, д.п.н., профессор, ГИРЯ имени А.С. Пушкина
Е.Л. Бархударова, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова
С.И. Богданов, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАО, ректор, РГПУ имени А.И. Герцена
Л.Д. Бугаева, д.ф.н., доцент, СПбГУ
А.Н. Варламов, д.ф.н., профессор, ректор, Литературный институт имени А.М. Горького
Е.Н. Виноградова, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
С.А. Вишняков, д.п.н., профессор, член-корреспондент МАНПО, зав. кафедрой, МПГУ
В.А. Воропаев, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
М.М. Голубков, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова
А.Д. Дейкина, д.п.н., профессор, МПГУ
Л.А. Дунаева, д.п.н., профессор, зам. декана, МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.И. Зиновьева, д.ф.н., профессор, СПбГУ
В.Б. Катаев, д.ф.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова
А.В. Коротышев, к.п.н., директор секретариата РОПРЯЛ, МАПРЯЛ, руководитель Центра социолингвистических исследований РУДН
В.В. Красных, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.А. Кузьминова, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова
О.В. Макарова, к.п.н., преподаватель, МГУ имени М.В. Ломоносова
Ю.Б. Мартыненко, к.ф.н., доцент, МПГУ
Л.В. Московкин, д.п.н., профессор, почетный работник сферы образования РФ, СПбГУ
Н.В. Поморцева, д.п.н., профессор, декан, РУДН
Т.И. Попова, д.ф.н., профессор, и.о. зав. кафедрой, СПбГУ
И.Н. Сухих, д.ф.н., профессор, СПбГУ
М.Ю. Федосюк, д.ф.н., профессор, МГУ имени Ломоносова
Е.А. Филатова, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
Е.А. Хамраева, д.п.н., профессор, зав. кафедрой, МПГУ, директор межвузовского центра билингвального и поликультурного образования, РГПУ имени А.И. Герцена
Е.А. Чернышенко, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
Т.В. Шмелева, д.ф.н., профессор, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Д.А. Щукина, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой, Санкт-Петербургский горный институт
И.И. Яценко, к.п.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

М.М. Голубков.
Памяти Юрия Бондарева: к вопросу о творческой репутации писателя.....2

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

И.И. Яценко.
Паттерны русской / советской культуры в художественном тексте как объект анализа в иностранной аудитории.....9

Э.С. Рагулина, Н.Ю. Арзамасцева.
Использование песенного материала на занятиях по РКИ (из опыта работы).....18

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Е.Ю. Николенко.
Рецензия на учебное пособие Л.С. Крючковой «Словообразование. Форма, семантика, функция, методика обучения», 2019, 216 с.....23

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В ЛИЦАХ

Н.К. Онипенко, В.Е. Чумирина.
Памяти Галины Александровны Золотовой, ученого и учителя.....27

С.А. Матяш.
О научном наследии Сергея Ивановича Кормилова.....33

В.В. Добровольская.
Духовное завещание Г.И. Рожковой.....44

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е.Н. Тарасова, Ф.С. Макоева.
Студенческая интернациональная наука в РТУ МИРЭА.....48

Анонсы мероприятий.....51

Адрес редакции: В Москве: 115035 г. Москва, Космодамианская набережная д.26/55, стр.7
e-mail: autor.dep@profsobranie.ru

Учредитель
Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание»
(115035, г. Москва, Космодамианская набережная 26/55, стр. 7)

Издатель
Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание»
(115035 г. Москва, Космодамианская набережная д.26/55, стр.7)

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-4-2-8

Памяти Юрия Бондарева: к вопросу о творческой репутации писателя

М.М. Голубков,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: *m.golubkov@list.ru*

В статье рассматривается эволюция творческой репутации Ю.В. Бондарева, писателя-фронтовика, одного из основоположников «лейтенантской прозы», создателя глубоких философских романов об истории и современности. Анализируются факторы, влияющие на писательскую репутацию, такие, как биография, художественные тексты (эстетические достоинства и идеологическая наполненность), отношения с властью, творческое и бытовое поведение, эволюция творческих и идеологических воззрений. Предложен краткий анализ творческого пути писателя.

Ключевые слова: *Юрий Бондарев, «лейтенантская проза», репутация писателя, творческое поведение, философский роман.*

Весной нынешнего года ушел из жизни Юрий Васильевич Бондарев – писатель-фронтовик, один из основоположников «лейтенантской прозы», автор глубоких философских романов об истории и современности.

У автора этой статьи к Юрию Васильевичу Бондареву очень личное отношение. Мы никогда не были знакомы, хотя шанс познакомиться был: писатель несколько раз выступал перед студентами МГУ. Эти встречи собирали огромную аудиторию, которая сегодня писателю и не приснится: в девятой поточной, самой большой в первом гуманитарном корпусе, яблоку негде было упасть: студенты гнездились на ступеньках, стояли на одной ноге, если вторую не поставить. А у входа в «девятку» просто по-турецки сидели на полу. Я очень хорошо помню эти несколько встреч, проходивших на филологическом факультете МГУ в конце 1980-х годов. Тогда было просто очень интересно. Сейчас ясно, что они обозначали важные вехи изменения творческой репутации писателя. Это был момент кардинальной переоценки творчества Ю. Бондарева, впрочем, как и всех писателей, которых называли тогда советскими. И ему предъявляли счет – и за всех советских писателей, и за советскую литературную политику. А он, что удивительно, был готов эти счета оплачивать. Я очень любил тогда этого писателя (и сейчас люблю), и чувствовал обиду от того, что он готов брать на себя вину за многие литературные (вернее, политические, отразившиеся на литературе) беды, в которых сам виноват вообще не был. А он брал. И отстаивал свое поколение, свое время, свои взгляды, не боясь остаться один против свободомыслящей, ироничной, образованной аудитории студентов-филологов.

Речь зашла о «Докторе Живаго» – когда, дескать, напечатаете (как будто именно Бондарев принимал решение о публикации романа Пастернака и всячески ему препятствовал). Писатель ответил то, что он по этому поводу думал: роман скучный и неинтересный. Да и антисоветский к тому же. Когда будет

напечатан? – слышалось из аудитории. Вы хотите читать это? – спросил Бондарев. На минуту настала тишина, и кто-то громко ответил: да! Тогда вам надо жить при другой социальной системе, – с грустью ответил писатель. И ведь правду ответил: при иной социальной системе мы сейчас живем, свободно читая «Доктора Живаго». Много лет спустя я узнал, что «Да!» сказал писатель Алексей Варламов, тогда студент филфака. Сколько десятилетий прошло, когда случайно вспомнили тот эпизод!..

Этим ответом Ю. Бондарев обозначил границу между собой и революционно настроенной студенческой аудиторией: в революцию и новую социальную систему – без меня. Тогда мне было жалко, что он не с нами, взыскующими Пастернака, Набокова, Ходасевича и Адамовича, парижскую ноту, русский Берлин и пр. и пр. Сейчас не могу не оценить его честность и прямоту. Он прекрасно понимал, что этим ответом он перечеркивает прежнюю свою репутацию и определяет новую – советского ретрограда и адепта охранительной идеологии (хотя охранять в те последние советские годы было, в сущности, уже нечего).

В самом начале этой встречи, когда еще не обозначились так явно противоречия, ему задали вопрос: а есть ли у него ученики? Бондарев ответил отрицательно, сказав, что ученика страстно хочет, знает, что сможет многое ему передать. «Это серьезно», – несколько раз повторил он, вглядываясь в аудиторию, будто ожидая увидеть своего литературного приемника. До сих пор не могу простить себе, что не подошел тогда, чтобы просто познакомиться. Постеснялся. Как постеснялся и потом посылать ему свои статьи о его творчестве, хотя и адрес специально узнал. Скажу лишь, что никакого влияния на мое отношение к Бондареву зигзаги его писательской репутации не имели. Скорее, наоборот: я смог прочувствовал на себе его неоднозначную и наспех сформированную либеральной общественностью репутацию! Один из коллег в ИМЛИ в середине 90-х годов на полном серьезе пенял мне, что я написал статью о Бондареве в вышедший тогда Словарь советских писателей! Да еще хорошее написал! Тогда о нем можно было только плохо или уж на худой конец никак.

Писательская репутация – штука сложная и опасная, и редко когда она писателю помогает, скорее, наоборот. Бывает, что репутация заслоняет реальный вклад художника в литературу. Так, например, репутация Максима Горького как автора «Старухи Изергиль», романа «Мать» и «Песни о буревестнике», буревестника революции и основоположника соцреализма, заслоняет от читательских поколений тот масштаб творческой личности, который встает за томами «Жизни Клима Самгина», цикла рассказов 1922–24 годов, поздних драматургических опытов 30-х годов. Репутация бонвивана, способного приспособиться к любому политическому режиму, точно запечатленная в рассказе А.И. Солженицына «Абрикосовое варенье», заслоняет подлинный, и весьма немалый, вклад в литературу Алексея Толстого, автора «Хождения по мукам» и «Петра Первого».

Что вообще формирует писательскую репутацию? Ответ, казалось бы, очевиден: созданные произведения, их художественная ценность и идеологическая наполненность. В том-то, однако, и дело, что это далеко не так! Не меньшую, а иногда и большую роль играет бытовое поведение писателя, сознательно или бессознательно принятое амплуа, отношения с властью, которые

тоже являются объектом осознанного созидания, биография, эволюция творческих и идеологических воззрений. Все эти обстоятельства формировали творческую репутацию Юрия Васильевича Бондарева, фронтовика, солдата, писателя, общественного деятеля, эволюция творческих взглядов и идеологических воззрений которого сказывалась и на отношениях с властью, и на том образе, который формировался в читательской среде.

Как соотносится писательская репутация Бондарева и его вклад в литературу? Она находится в прямой зависимости от эволюции его общественных взглядов, а художественные достоинства его философской зрелой прозы 80–90-х годов отчасти оказываются в тени.

Вернувшись с войны боевым офицером (был демобилизован в звании младшего лейтенанта) с ранениями и наградами, Бондарев поступает в Литинститут, который и заканчивает в 1951 году. Печататься начал в 1949 году. Первый сборник рассказов «На большой реке» вышел в 1953 году, потом последовала повесть «Юность командиров» (1956), а произведениями, показавшими, что в литературе появилось крупное имя, стали «Батальоны просят огня» (1957) и «Последние залпы» (1959).

Всё творчество Бондарева так или иначе посвящено теме войны. Его имя связано с так называемой «лейтенантской прозой», с тем писательским поколением, которое, пройдя войну, принесло с собой новую правду о ней, показало не только победы, но и жесточайшие поражения и в конечном итоге ту страшную цену, которой далась победа. Личный тяжелейший опыт полевого командира оказался востребован обществом с самого начала Оттепели. Но вопрос о том, кто или что виновно в трагедии батальонов, гибнущих в железном кольце окружения и не дождавшихся помощи дивизии, в тогдашней критике был воспринят вовсе неоднозначно – слишком уж привыкли к литературно-облегченным представлениям о войне. Роман «Тишина» (1962) открыл новую тему – «вживания» в мирную жизнь молодых людей, чей опыт сводился лишь к школе, а потом – к войне. Они научились воевать – но, вернувшись с войны домой, поняли, что этого было мало. Бондарев, никогда не принимавший облегченных решений, показал, как трудно совсем еще молодым, сполна отдавшим свой долг людям, жить по иным, нефронтовым законам. Бондарев пишет роман о поколении, которое едва не стало лишним: победив внешнего врага, оно оказалось бессильным перед внутренним: мальчишки – солдаты, входя без страха в чужие столицы, по словам И. Бродского, со страхом, горечью и недоумением возвращались в свою. Сергей Вохминцев, главный герой романа, переживает трагедию ареста своего отца. В этом романе Бондарев как бы формулирует основной принцип романического сознания: в частной судьбе личности он находит отражение судьбы национальной, в частной биографии прочитывается биография поколения.

В те годы Бондарев оказывается одним из самых ярких художников Оттепели.

Роман «Горячий снег» (1969) показал общую тенденцию литературы 70-х годов: проза о войне становилась все более горькой. Эта горечь отмечена и в метафоре, давшей название роману. Писатель показывает, как он сказал в одном из интервью, «ценность жизни, ценность человека там, где бытие становится лицом к лицу с небытием». Панорамность и эпичность романа, параллельные сюжетные линии (генерал Бессонов, сын которого, по-видимому, оказался в армии генерала Власова, нравственное противостояние

младших офицеров Дроздовского и Кузнецова), взгляд на одни и те же события из солдатского окопа, с НП лейтенанта, из генеральской ставки – всё это необходимо писателю для осмысления военной, конкретно-исторической проблематики. Но именно с этого момента, с начала семидесятых годов, в творчестве Бондарева все сильнее проявляется стремление к поиску как бы второго плана. Исключительность героической ситуации помогает выявить в ней вечное: трагические отношения между мужчиной и женщиной, жизнью и смертью, бытием и небытием. Именно эти темы станут основными в самом главном, как нам кажется, творении Ю. Бондарева – тетралогии «Берег» (1975), «Выбор» (1980), «Игра» (1985), «Искушение» (1991).

Для воплощения философской проблематики писатель создает специфическую романную форму. Он ставит в центр романа человека, способного уже в силу своей профессиональной принадлежности и творческого потенциала к постановке бытийных проблем, склонного к философскому мышлению. Это творческая личность – писатель Никитин («Берег»), художник Васильев («Выбор»), кинорежиссер Крымов («Игра»), ученый Дроздов («Искушение»). Перед нами – один и тот же характер, создающий композиционную целостность тетралогии, в котором очень сильно автобиографическое начало. Это преуспевающий человек, полностью реализовавший свой немалый творческий потенциал, не знающий материальных проблем, ведомых простому смертному, получивший почести и признанный на родине и за рубежом, человек абсолютно свободный – и в средствах, и в возможностях, находящий понимание и любовь в семье, богатый друзьями, свободно путешествующий по миру – добившийся своим трудом того, чего был, конечно же, лишен простой советский человек. Но это положение внешнего благополучия контрастирует с мироощущением героя. Перед нами личность трагического сознания, пессимистического склада мысли. Это страдающий человек, склонный к беспощадному самосуду. Он ищет свою вину там, где другой не увидел бы намека на нее. Идея нравственного самосуда и самонаказания формирует философскую проблематику романа.

Бондарев испытывает потребность в сопоставлении двух временных планов, двух эпох: военной и мирной, героической и негероической, и это становится серьезной композиционной задачей. В «Береге» писатель прибегает к наиболее естественному и простому решению – кольцевой композиции: центральную часть романа, рассказывающую о нескольких днях молодого лейтенанта Никитина в мае 1945 года, обрамляет композиционное кольцо первой и третьей частей, повествующих о пребывании русского писателя Никитина в Гамбурге, где он встречается с женщиной и узнает в ней немецкую девочку, которую искренне полюбил тогда, тридцать лет назад.

Вовсе не социально-политическая проблематика (противостояние двух систем, политические споры западных немцев с советскими писателями, «бичевание», как многим казалось тогда, западного мира, утратившего моральные ценности) оказывается в романе главным. Главное – самонаказание героя, обретшего, как он понял в Гамбурге, свой берег любви и добра в победном мае и ушедшего от него в своей удачной и внешне блестящей жизни, которая на деле оказалась не историей обретений, а трагической потерей идеала всечеловеческой любви. Страшная боль, как будто в сердце распрямилась

стальная острая пружина, испытанная героем в самолете, – то самое наказание, результат осознания собственной жизни как пути утрат. Любовь уже была обретена тогда – сейчас, встретившись с ней еще раз, Никитин мучительно солгал Эмме, что не узнает ее. Только лишь ему, маститому писателю, дано осознать, что бесконечное ускорение его жизни, превратившее молоденького лейтенанта в преуспевающего современного писателя, было движением не вперед, а назад, от раз обретенного идеала. «Я всё время возвращался туда», в прошлое, скажет себе герой, и это открывает ему тайну всепонимания и сострадания, в чем проявляется чисто русская черта национального характера, которую Достоевский называл «вселенским началом». Но понять это можно лишь большой ценой, осознав бесконечное ускорение собственной жизни как тупик и как потерю раз обретенного берега (здесь и раскрывается философский смысл названия романа): в пограничном состоянии между бытием и небытием герой стремится к «земному, обетованному, солнечному берегу, который обещал ему всю жизнь впереди» – берегу некогда найденному и утраченному теперь навсегда.

Характерная для философского романа композиционная структура была повторена и во втором романе тетралогии – в «Выборе». В центре также стоит герой, испытывающий потребность в жестком самоанализе. Невероятность случившегося (встреча в Венеции с другом юности и с фронтовым товарищем Ильей Рамзиным, которого он считал погибшим, приезд Ильи в Москву и трагедия его самоубийства) тоже делает необходимым соподчинение двух временных планов: войны и современности. Но композиция «Выбора» иная – она и будет повторена в последующих романах тетралогии: ретроспективные части не обрамлены композиционным кольцом, они чередуются с главами о современности, а прошлое дано в свободных ассоциативных связях с современностью. И если «Берег» можно рассматривать как роман об обретении (может быть иллюзорном, на грани небытия) собственного берега и любви, то «Выбор» – роман более трагический и пессимистический, не оставляющий надежды. В его обширных сюжетно-композиционных связях можно выделить идею отчужденности и взаимного непонимания даже между близкими людьми, жизнь которых внешне кажется безоблачной: Васильевым и его дочерью Викой, Васильевым и Рамзиным, Васильевым и его женой. Но в центре романа – Илья Рамзин, самый трагический герой писателя. Преданный дважды (в 1943 году майором Воротюком, пославшем его на верную гибель, и теперь, сорок лет спустя, собственной матерью, когда она отказалась признать в подтянутом элегантном иностранце собственного сына – «Блудному сыну надо ли возвращаться в святые места?») – утративший всякую надежду нащупать связь «с самим собой в навеки ушедшем прошлом», потерпев поражение «в попытке вернуть лучшие свои годы, что-то оправдать, искупить, помочь, с чем-то проститься», Илья Петрович Рамзин в преддверии самоубийства поднимается до осознания причин своей трагедии: в его судьбе в наибольшей степени выразилось то, что испытывают на себе все герои романа: взаимное отчуждение и пропасть почти экзистенциального непонимания.

Есть ли возможность ее преодолеть? В романе надежда преодоления связывается с профессией главного героя – он художник и его способность к эстетическому восприятию мира может предложить выход. «Не отчуждение,

а борьба и надежда» – эти слова Бондарева-публициста подтверждаются в двух последующих романах, но лишь отчасти. И кинорежиссер Крымов («Игра»), и ученый Дроздов («Искушение») испытывают то же чувство вины, сложности внутреннего конфликта с самими собою, что их предшественники из первых романов тетралогии.

Однако такой герой воспринимается неоднозначно. Сосредоточенность на себе, на своей внутренней жизни, вполне естественная для мыслящего человека, склонного к беспощадному самосуду, трактуется иногда как самолюбование героя и даже автора: автобиографичность главных героев тетралогии – не в плане внешнего событийного ряда, но в плане жизни внутренней – представляется вполне очевидной. С такой оценкой романа «Игра» выступил критик И. Дедков в статье «Перед зеркалом, или Страдания немолодого героя» (Вопросы литературы, 1986, № 7). Критик, думается, не понял важнейший идейно-композиционный принцип романной структуры Ю. Бондарева: повествование нарочито субъективизировано, вся действительность предстает не объективно, а как достояние личного субъективного опыта героя. Так удается художественно воплотить как бы два важнейших для художника предмета изображения: объективная действительность и воспринимающее ее сознание.

Наверное, 70–80-е годы оказываются для Бондарева наиболее продуктивными и в творческом плане, и в репутационном: он занимает твердое положение в русской советской литературе, его произведения издаются огромными тиражами, названия его романов упоминает в своих речах Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, его творчество становится предметом академического исследования, в литературоведении за ним закрепляется статус создателя философской романистики. При этом Бондарев всё более ощущает себя именно советским человеком и советским писателем и открыто встает на охранительные позиции: в 1973 году «Правда» публикует письмо с резкой критикой Солженицына и Сахарова, среди подписантов которого – Ю. Бондарев. Он враждебно встречает идеи «нового мышления» М.С. Горбачева и становится одним из главных оппонентов перестройки: выступая на XIX Всесоюзной партийной конференции летом 1988 года, он сравнивает страну, оказавшуюся в ситуации жесткой идеологической и политической турбулентности, с самолетом, пилоты которого подняли его в небо, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная полоса. Да и вообще не очень представляя себе, где пункт назначения. Можно как угодно относиться к политическим векторам той эпохи и к фигурам, выражающим различные общественные настроения, но в исторической ретроспективе правота Бондарева очевидна: самолет летел не туда, где с грехом пополам приземлился.

С этого момента отношения с властью рушатся, что придает Ю. Бондареву еще больший авторитет и формирует репутацию независимой общественно-политической фигуры. Разногласия достигли своего апогея в ельцинский период: в 94 году писатель отказывается принять от Ельцина Орден дружбы народов: «Сегодня это уже не поможет доброму согласию и дружбе народов нашей великой страны», – объясняет он в телеграмме Президенту отказ от ордена. Бондарев крайне болезненно воспринимает огульную критику советского периода, полагая, что шельмованию подвергается целый мир, целая цивилизация, спасшая в 1945 году тысячелетнюю русскую

цивилизацию. Так же, как и другие национальные цивилизации, европейские и азиатские, входящие и не входящие в состав СССР. Власть, позволившая подобное, отвергается, единения с ней нет и не может быть.

Подобная оппозиционность, совершенно искренняя, лишенная хоть капли политической и личной корысти, иногда получала даже комическую (трагикомическую?) окраску. Таков, например, январский эпизод 1992 года, когда Юрий Васильевич оказывается во главе писательской общественности, сжигающей чучело Евтушенко в знак протеста преобразованиям и разорению СП СССР. Акт, знаменующий отчаяние. Впрочем, отчаяние, не переходящее в людоедство: Евтушенко, «кремлевский вольнодумец», как его звали в советские годы, не узнал о кремации своего соломенного двойника, так как летел в это время в США…

Принципиальное неприятие политического курса Ельцина выявилось не только в актах огнепоклонничества, но и в художественной практике, притом значительно более продуктивно. Речь идет о романе «Бермудский треугольник» (1999), где в подробностях показан путч, штурм парламента, перспектива чудовищной бойни, которая могла охватить всю страну, – те события, что обозначили начало 90-х… К счастью, обошлось. Может быть, в этом есть заслуга и автора романа «Бермудский треугольник»? А название романа «Без милосердия» (2004) говорит само за себя.

Как можно определить репутацию Юрия Васильевича Бондарева, которая сложится в сознании читателей нынешнего и следующих поколений? Среди всех возможных («советский писатель», «враг перестройки», «соловей застоя» и других, столь же неубедительных и неполных), можно было бы предложить что-то иное. Например: идеолог просвещенного консерватизма.

In memory of Yuri Bondarev: on the question about writer's creative reputation

Mikhail M. Golubkov,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: *m.golubkov@list.ru*

The article examines the evolution of the creative reputation of Yuri V. Bondarev, a front-line writer, one of the "lieutenant prose" founders, the creator of deep philosophical novels about history and modernity. The factors influencing the writer's reputation, such as biography, literary texts (aesthetic merits and ideological fullness), relations with the authorities, creative and everyday behaviour, the evolution of creative and ideological views are analysed. A brief analysis of the writer's creative path is offered.

Key words: *Yuri Bondarev, "lieutenant prose", writer's reputation, creative behaviour, philosophical novel.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-4-9-17

Паттерны русской / советской культуры в художественном тексте как объект анализа в иностранной аудитории

И.И. Яценко,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: *irinayat@gmail.com*

В статье рассматривается вопрос о выделении культурно-маркированных единиц художественного текста для работы с ними в процессе обучения чтению иностранных учащихся. Обсуждается проблема номинации данных единиц текста. Предлагается использовать термин паттерн как наиболее универсальный термин в ситуации анализа художественного текста с иностранными учащимися. Выделение и исследование паттернов позволит формировать фоновые знания, необходимые иностранным студентам для декодирования художественного текста на русском языке.

Ключевые слова: *учебный анализ художественного текста, русский язык как иностранный, локальный текст, лингвокультурология, паттерн.*

1. Предварительные рассуждения. Культурологическое содержание художественного текста на иностранном /русском языке, представленность в нем картины мира носителей языка, их психологии является одной из основных причин интереса к нему в практике преподавания РКИ. Но отбора культурологически ценного для иностранной аудитории текста недостаточно – необходима и разумно организованная система работы с текстовым материалом. Возникает вопрос, каким именно материалом. «Карта культуры» [Гусейнов 2017: 386] складывается благодаря наличию в художественных текстах неких константных единиц, которые, повторяясь, указывают на отнесенность нарратива к тому или иному культурному дискурсу.

Для обозначения культурно-маркированных единиц текста используются разные термины: культурема, лингвокультурема, лингвоидеологема, прецедентные единицы, логоэпистема. Наиболее универсальным из них нам представляется термин лингвокультурема. Однако лингвокультурема – понятие, относящееся к такой области знаний, как лингвокультурология, и используется в лингвокультурологическом анализе. Лингвокультурология – «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке» [Красных 2002: 26], цель ее – «исследовать и описать русское культурное пространство сквозь призму языка и дискурса и культурный фон коммуникативного пространства» [Там же: 13]. Как видим, термин лингвокультурема обслуживает довольно обширную область научно-прикладных исследований и позволяет решать большой круг задач. В случае же учебного анализа художественного текста на иностранном языке, т. е. текста инокультурного, в области достаточно прагматической и прикладной, этот термин представляется излишне обширным. Как кажется, есть потребность в нахож-

дении более конкретного, «точечного», функционального термина, который бы обозначал культуросодержащую информацию, имеющуюся в любом художественном тексте. Такого рода термин уже существует и используется при изучении локальных текстов.

2. «Русский текст» как разновидность локального текста. Русскоязычный художественный текст (в контексте нашего к нему интереса) может рассматриваться как разновидность локального текста, изучение которого началось с введением В.Н. Топоровым в научный оборот понятия «петербургский текст». Отдавая себе отчет в уязвимости предлагаемой номинации, всё же условно назовем его «русским текстом», имея при этом в виду, что это текст, отражающий реалии российской и советской действительности и воспринимаемый инофоном. Отчасти основанием признания локального «русского» текста является свойственная этому тексту семантическая связанность, которая характерна и для множества других локальных текстов, представляющих текст той или иной культуры (например, «петербургский текст», «ташкентский текст» и др.). При этом под локальным текстом мы, вслед за Э.Ф. Шафранской, понимаем «совокупность представлений о месте, деталях этого места, языке, фольклоре, мифологии, людях – с их нравами, ментальностью, поведением, жестами, этнографическими характеристиками» [Шафранская 2016: 19].

Для описания такого рода текстов используется термин *паттерн* (от англ. *pattern* «образец, шаблон; форма, модель»), который понимается как «географически привязанные, регулярно появляющиеся в дискурсе образы, описания, прецедентные выражения, сюжеты», с помощью которых «складываются локальные тексты культуры и литературы» [Шафранская 2016: 63].

3. Паттерны и коды культуры. Следует отметить, что сегодня сложно найти область знаний, где бы не использовался термин *паттерн*: от математики до лингвистики, от медицины до архитектуры – и этот перечислительный ряд может быть продолжен. О паттерне речь заходит, когда имеется некая синхронно повторяющаяся регулярность, т. е. систематически повторяющийся устойчивый элемент. Термин *паттерн* активно употребляется и в достаточно близкой нашей проблематике области – лингвокультурологии. Так, В.В. Красных использует этот термин в значении «культурная модель»[1]. Однако термин *паттерн* полисемантичен: если в лингвокультурологии в нем актуализируется сема *модель*, то для лингводидактики (в частности, в области анализа художественного текста при обучении иностранцев) актуальнее семы *образ, описание.* При этом особенно значимо то, что это повторяющиеся образы и описания, которые выявляют некие закономерности, в нашем случае – закономерности текста русской культуры.

Выделение в анализируемых художественных текстах паттернов позволяет иностранному читателю реконструировать национальную русскую картину мира. Паттерны могут отражать самые различные реалии, связанные с особенностями ландшафта и климата

[1]«… мы имеем явные тенденции к … определенному смещению культурных доминант, *паттернов* культуры (культурных моделей) и иерархий ценностей…» [Красных 2016: 26]; «… аккультурация… есть процесс непосредственного, длительного контакта и взаимного влияния групп с разными культурами, выражающийся в изменении *паттернов* культур (культурных моделей) одной или обеих групп…» [Красных 2016: 26] и др.

страны, бытом (жилище, одежда, гастрономия, семья, традиции и др.), политико-государственной организацией общества (административное устройство, структура власти, политические организации и деятели), искусством, социальной сферой общества (трудовые отношения, общественные организации и др.), ментальными особенностями носителей языка (концепты культуры, отражающие национальный характер, национальные социокультурные стереотипы, проявляющиеся в невербальном поведении и речевом общении).

Если вновь обратиться к лингвокультурологии, то можно установить соотнесенность классификации паттернов художественного текста с типологией кодов культуры. Под кодом культуры понимается «формирующая определенный фрагмент картины мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и/или к одной сфере бытия» [Красных 2016: 172]. Среди базовых кодов культуры В.В. Красных, опираясь на труды В.Н. Телия, называет следующие: антропный (включающий в себя соматический, или телесный); биоморфный (в том числе зооморфный, инсективный, растительный); природно-стихийный (включает в себя природно-ландшафтный и стихийный); временной; пространственный; предметный; нумерологический; колористический; акциональный; духовный код культуры. Причем, как справедливо замечает В.В. Красных, коды культуры практически не существуют «в чистом виде», они сочетаются и взаимодействуют друг с другом [Красных 2016: 382–383]. Паттерны также содержат информацию о разных сторонах действительности и при этом, как и коды культуры, нередко вступают во взаимодействие в тексте и представляют целостную картину мира.

4. Исследование паттернов русскоязычного художественного текста в иностранной аудитории. Выделенные в художественном тексте паттерны могут становиться объектом разного рода комментариев и обсуждения с целью пополнения фоновых знаний иностранных учащихся, необходимых как для восприятия художественного текста, так и для формирования представлений инофонов о русской картине мира. Продемонстрируем работу по выделению и интерпретации некоторых паттернов на основе нескольких обсуждавшихся в иностранной аудитории текстов современных русскоязычных авторов.

– Паттерн пространства и антиномия русской души. «Проксемика в широком смысле – наука о том, как пространство формирует судьбу и ментальность тех, кто его населяет» [Молчанова 2014: 145]. Концепт *простор* является одним из базовых в оценке русскими родной земли, см. [Степанов 1997: 510, 512, 513]. Неудивительно поэтому, что мотив бескрайности пространств, простора русской земли является сквозным в литературе XIX века и свидетельствует о богатырских качествах народа. Одним из ярких примеров этого мотива является лирическое отступление о Руси в 11 главе «Мертвых душ» Н.В. Гоголя: «*Русь! … и онемела мысль перед твоим* ***пространством***. *Что пророчит сей* ***необъятный простор****? Здесь ли, не в тебе ли родиться* ***беспредельной*** *мысли, когда ты сама* ***без конца****?.. какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль!*» [Гоголь 1985: 209]. Однако, будучи источником гордости русского человека своей землей, *простор* является и причиной многих российских проблем и бед, о чем, например, свидетельствует рассуждение

Н.А. Бердяева: «*Огромные пространства легко давались русскому человеку, но не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем*» [Бердяев 1990: 35].

Возможность обсудить с иностранными учащимися этот своеобразный и неоднозначный мотив дает фрагмент из книги Е. Гришковца «А…а», книги, которая в свойственной этому автору слегка ироничной, но доверительной манере создает образ Америки в массовом представлении русских, которые там никогда не были. Так, описывая увлечение (нередко дорогостоящее) российских байкеров, писатель иронизирует: *«…летом от нечего делать ездят из Тюмени в Екатеринбург и обратно на своих 'Харлеях'… Я бы спросил: 'А каково это, ехать во всей красе на таком мотоцикле по мосту через речку под названием Цинга или проезжать мимо кривых заборов деревень с еще более печальными названиями? Каково глотать пыль и гарь от грязных грузовиков и тракторов, дышать запахами птицефабрик и скотных дворов? Удается ли, благодаря шлему, избежать подробностей? Чувствуется ли при этом* ***простор****? А если чувствуется, то когда он чувствуется сильнее, по пути в Екатеринбург или по пути обратно в Тюмень?'».* Паттерны *речка Цинга, пыль и гарь от грузовиков, запахи птицефабрик* воссоздают атмосферу русской глубинки с плохими дорогами, с несовременными технологиями в животноводстве (запахи) и вызывают у читателя ассоциацию с таким базовым концептом русской картины мира, как *тоска* (*печальные названия* у Гришковца рифмуются с лермонтовскими *дрожащими огнями печальных деревень*). Паттерн *простор* у Е. Гришковца имеет иронический подтекст и отсылает к мотиву неустроенности российской жизни. Как несложно увидеть, паттерн пространства взаимодействует с паттернами, характеризующими русскую провинцию, в результате чего приоткрывается мироощущение русского человека, который, осознавая бескрайность родной земли, чувствует свою потерянность в этом пространстве и тоску.

– Русская тоска и мечта о красивой жизни. Позволю себе небольшое отступление в область, родственную литературе, – живопись. Жил и творил в костромской глубинке художник-самородок Е.В. Честняков (1874–1961), талант которого по достоинству оценил И.Е. Репин, см. [Игнатьев 1995]. Художник, не понаслышке знающий о нуждах русской деревни. Его картина «Город Всеобщего Благоденствия» изображает крестьянский рай: чистый сказочный город (терема, дворцы), где много нарядных мужиков, баб, детей и много хлеба (караваи, крендели, булки, пироги). В этой картине очень красноречиво запечатлены две главные мечты крестьянина – о сытой жизни и об отдыхе от изнурительного труда. За этим крестьянским раем угадывается та самая русская тоска, о которой так много рассказано и спето самим народом. Но зачем, казалось бы, уходить в историческое прошлое и говорить об архетипической тоске русского человека, если мы обращаемся к современной литературе? Думается, что эта черта русской натуры не исчезла, только сегодня у нее другие импульсы.

Современный человек из провинции достаточно информирован о мире за пределами доступной ему географии. И этот мир, существующий в реальности, но недосягаемый так же, как

космический объект, мифологизируется, идеализируется и представляется тем самым раем. Вернемся к «А … а» Е. Гришковца, где автор вновь обращается к владельцу мощного «Харлея»: *«Приятно, выехав из Красноярска в западном направлении, после трех часов тряски остановиться у забегаловки под названием «Техас», стоящей в чистом поле, среди нескольких плакучих березок?»*. Просторечие *забегаловка* в сочетании с номинацией *Техас* создает ярко выраженный иронический контекст, но у автора нет желания посмеяться или поерничать. За авторской иронией – боль и грусть: именно в этом столкновении *забегаловки* и *Техаса* и есть суть антиномичной русской души, на которую прямо указывают и паттерны фольклорного происхождения, уже ставшие штампом: *чистое поле, плакучие березки*. Следует обязательно обратить внимание на диминутив *березка*, ассоциирующийся в фольклоре с образом русской девушки. С одной стороны, привязанность к своему, родному, привычному миру, с другой – тоска по чужому, загадочному, непонятному, и от этого особенно заманчивому.

– Контакт национальной и советской культур. Советское (многонациональное!) прошлое продолжает исследоваться и осмысляться, в том числе и в литературе. Через выделение и интерпретацию паттернов в художественном тексте можно проанализировать, например, отношения между локальной / национальной культурой (культурой национальной республики) и культурой советской. Так, в рассказе Д. Рубиной «Дорога домой» «туркестанский» текст конкурирует с текстом «советским», отражая довольно непростую ситуацию, в которой оказались после установления советской власти среднеазиатские республики, особенно Узбекистан, где басмачество, как форма сопротивления советской власти, было окончательно подавлено только в 30-е годы. Сюжет рассказа повествует о побеге домой из пионерского лагеря маленькой девочки, которая одна проделала ночью весьма далекий путь. Это бегство не было спровоцировано каким-то конфликтом в лагере – просто девочка, по ее же признанию, «не была создана для ***счастливого детства*** *под звуки горна». Счастливое детство* – вот ключевой паттерн, представляющий «советский» текст. Однако оценка этого детства мамой и дочкой не совпадает. ***Обкомовский*** *лагерь,* путевка ***по блату****, на завтрак дают* ***сервелат и икру*** в представлении мамы – большая удача. Для девочки же все это имеет «обратную» ценность: *скользкая соленая икра … вызывала отвращение, утренние* ***пионерские линейки****, резь в глазах от* ***хлорки****, густо посыпаемой в чудовищном казарменном* ***туалете с дырками в полу****, главное несчастье – место в* ***пионерском строю*** *и* ***общая спальня.*** Как видим, паттерны, отражающие советскую действительность, даны в оценочном ключе, что позволяет после прояснения стоящих за ними реалий сопоставить позицию ребенка и взрослых и убедиться, что ребенок тонко чувствует фальшь *счастливого детства под звуки горна*. Истинную ценность для девочки, с ее чистой душой, представляют *предгорья* ***Чимгана****, окна* ***кишлаков****,* которые *каплями густого меда вдали теплились, запахи* ***чабреца, лаванды*** *и горчайший дым* ***горящего кизяка****, дрожащий* ***крик осла****, бушующий* ***запах предгорья***. Из этих паттернов складывается «среднеазиатский» текст, который отсылает читателя к константным феноменам, не подвластным времени,

идеологии, сиюминутному. «Советский» текст явно проигрывает, поскольку для девочки нет проблемы выбора: она безошибочно чувствует, что настоящее, истинное, а что – нет.

– Паттерны личного пространства. Ряд паттернов связан с различными национально обусловленными проявлениями невербальной коммуникации, которая, как известно, является основным каналом обмена информацией в межличностном общении. Выше речь шла о проксемике в широком смысле слова. Личное пространство человека, т. е. пространство, необходимое для его комфортного самочувствия, – это объект проксемики в узком смысле. Прибегая к разным способам воздействия на личное пространство человека, коммуникант невербальным способом передает сообщение. Но этот невербальный язык обусловлен нормами той или иной культуры и зависит от того, является ли она близкодистантной, среднедистантной или дальнедистантной. Русская культура скорее близкодистантная, в отличие, например, от культуры японцев, американцев или жителей северной Европы.

При обучении чтению художественного текста на иностранном /русском языке очень важно не игнорировать паттерны, сигнализирующие о коммуникации персонажей посредством манипулирования личным пространством человека. Так, ситуация в рассказе Викт. Ерофеева «Белый кастрированный кот с глазами красавицы» явно не располагает к сокращению личного пространства между коммуникантами: заключенным-смертником и полковником Диамантом, его будущим палачом. Диамант не испытывает к узнику (узник – писатель, которого скорее всего судили за убеждения, «узник совести») ни сочувствия, ни доверия, ведет себя с ним фамильярно, бестактно, грубо. Он пришел в камеру с одной целью – получить в свой альбом афоризм смертника (вот такое у него хобби – коллекционировать последние мысли приговоренных к смертной казни). Полковник сразу же дает понять герою, что шансов на спасение у того нет никаких, но при этом настаивает на записи в своем альбоме. Герой, в итоге, записывает известный афоризм В. Короленко о счастье, что приводит Диаманта в восторг. *«Я тебе вот что скажу, – зашептал Диамант,* ***наклонившись к моему уху****. – За такие слова… За такие слова… Пойду-ка доложу начальству. За такие слова тебя могут помиловать!»* Сокращение Диамантом пространственной дистанции между ним и узником рассчитано на ответное доверие последнего, ведь ему дают надежду. На самом деле Диамант, добившись своей цели, стремится как можно скорее покинуть камеру – для этого нужен предлог. И он найден.

– Паттерны языка глаз. Для ментальности русских свойственен выраженный, прямой глазной контакт, в отличие, например, от минимального контакта глаз в Восточной Азии, Восточной Индии или у индейцев; см. [Молчанова 2014: 121]. Поэтому посредством окулистики, науки о языке глаз, можно многое сказать об отношениях героев художественного текста, об их намерениях и чувствах.

Обсуждавшийся ранее эпизод из рассказа Викт. Ерофеева, когда осужденный на казнь обретает надежду на спасение и мысленно представляет усилия полковника в этом направлении, получает вполне ожидаемую развязку: *«Полковник Диамант с озабоченным утренним видом остановился посреди камеры. – Извини, парень, недружелюбно, но с душевной мукой сказал он и,* ***по-***

***русски не глядя в глаза**, стал расстегивать кобуру револьвера».* Основную смысловую нагрузку в этом фрагменте несет паттерн *по-русски не глядя в глаза.* Если контакт русских людей предполагает открытый глазной контакт, то избегание этого контакта Диамантом свидетельствует о его нечистой совести, его вине перед узником.

– Паттерны языка касаний. Среди средств невербальной коммуникации тактильный контакт – один из самых значимых. При общении с человеком, нужно обязательно учитывать, к какому типу культуры он принадлежит – низко-, умеренно- или высокотактильной. Художественные тексты дают богатую информацию о том, как люди контактируют, используя касания. Россия относится к высокотактильной культуре, но всё же не в такой степени, как, например, в странах Латинской Америки. Незнакомые русские люди не будут без весомой причины прикасаться друг к другу и тем более обниматься. Однако именно такая ситуация показана в рассказе Евгения Попова «Феномен», где паттерн *объятие* является ключевым.

В *скромной пивной «Распутин»* к герою-рассказчику *«кинулся **обнимающий** человек советских лет».* Окказионализм *обнимающий* человек подчеркивает странность ситуации. Рассказчик смущен, пытается объяснить, что они не знакомы, но ему это не удается. Более того, напоминание об общей истории, общей судьбе, общих испытаниях убеждают его в правоте говорящего: «*Я даже кожей своей татуированной чувствую: ты человек и, следовательно, ты мне брат. И он заплакал, и он **крепко обнял** меня». «Услышав слово «брат», я тоже заплакал, и мне сразу же вспомнилось всё: как охамели и оборзели почти на целое столетие… **Я обнял** мужика **как родного**…».* Текст Е. Попова – это развернутая метафора, повествующая о взрыве в сознании *«человека советских лет»,* который после десятилетий унижений, насилия, страха может наконец стать свободным, увидеть в другом человеке не врага, а *брата.* Однако как трудно перестроить свою психологию, свои отношения с окружающим миром! Паттерн *объятия* показывает, как мучительно (не случайно эта встреча случилась в пивной) происходит преодоление человеком прошлого, как он учится видеть в таком же человеке, как он, брата, разделившего с ним общую судьбу.

– Паттерны кинесического контакта. О кинесике, изучающей язык жестов, поз, мимики, очень много написано, что неудивительно: именно в этой области чаще всего возникают коммутативные неудачи, если коммуниканты относятся к разным культурам и не очень хорошо ориентируются в культуре собеседника. Поэтому внимание к встречающимся в художественном тексте паттернам поз, жестов, мимики полезно не только для понимания коллизии текста, но и для лучшей ориентации инофона в культуре изучаемого языка.

Поза человека обычно демонстрирует его социальный статус, его отношение к собеседнику. В рассказе Ю. Коваля «Чайник» описывается ситуация: к нищему художнику, который живет вне материальных отношений и быта («чайник»!), приходит хозяин снимаемой художником комнаты, чтобы в очередной раз попытаться получить от жильца деньги. *«Приходит Петрович. Прислоняется к шкафу плечом.»* Поза Петровича – поза человека в сильной позиции, поза доминирования: на его стороне сила (закон: за комнату надо

платить). Более того, в этой позе – вызов, который затем прозвучит и в репликах Петровича.

Особенно много в разных культурах расхождений в семантике одних и тех же жестов. Из художественных текстов можно почерпнуть немало информации о смысле того или иного жеста в русской культуре. Так, в рассказе Ю. Мамлеева «Валюта» читаем: *«Шел 1994-й год. Зарплату ... выдавали гробами. – Кто хочет – бери, –* ***разводило руками*** *начальство. – Денег у нас нету, не дают. Мы ведь на бюджете. Хорошо хоть гробы стали подворачиваться, лучше ведь гроб, чем ничего».* Жест *начальства* демонстрирует растерянность, чувство вины от того, что людям не платят деньги, но при этом начальник искренен, он открыт, сочувствует людям. Как свидетельствует Л. Виссон, в американской культуре этот жест вызвал бы совсем другие ассоциации: это жест неудачника, не способного сопротивляться обстоятельствам, он вызывает не сочувствие, а скорее презрение к этому человеку. «Подобные жесты, свидетельствующие о фиаско, пессимистическом настрое, идут вразрез с менталитетом американца: он привык *to present himself positively* и решать проблемы спокойно и разумно» [Виссон 2015: 188].

5. Итоговое рассуждение. За пределами данной статьи остались паттерны, представляющие русскоязычное речевое поведение, понимание которого, без сомнения, обладает большой ценностью для инофонов. Не показаны также и паттерны, связанные с русской бытовой культурой (жилище, одежда, еда и. т. д.), с отношением русских ко времени, с символикой растений и животных и многим другим. Задача данной публикации состоит не в иллюстрировании разного вида паттернов, а в привлечении внимания коллег к возможности использования термина *паттерн* в методических целях, при работе с иноязычным / инокультурным художественным текстом. Удалось ли это? Как сказал в своей знаменитой речи «О русском уме» И.П. Павлов, «достижение истины сопряжено с большим трудом и муками» [Павлов 2009: 19]. Но это не означает, что труд и муки обязательно обеспечивают открытие истины. Надеюсь, что в нашем случае это не так.

Литература

Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.

Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. / Пер. с англ. М.: Издательство «Р. Валент». 7-е изд. 2015. 192 с.

Гусейнов Г. Русское, советское и иное в послесталинском национальном дискурсе: предварительные заметки // Новое литературное обозрение. № 2. 2017. С. 386–397.

Игнатьев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. Кострома: Теза, 1995. 126 с.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / лекционный курс. М.: Гнозис. 2002. 284 с.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

Молчанова Г.Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. Учебное пособие. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 208 с.

Павлов И.П. Об уме вообще, о русском уме в частности. EBook 2009. https://im-werden.de/pdf/pavlov_lekcii_1918.pdf дата обращения 18 декабря 2020 г.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Шафранская Э.Ф. Туркестанский текст в русской культуре: колониальная проза Николая Каразина. СПб.: Свое издательство, 2016. 369 с.

Использованные художественные тексты

Гоголь Н.В. Мертвые души. М.: Художественная литература. 1985. 368 с.

Гришковец Е. А … а. М.: Махаон. 2010. 256 с.

Ерофеев Викт. Белый кастрированный кот с глазами красавицы // Избранное, или Карманный апокалипсис. Москва – Париж – Нью-Йорк: Третья волна, 1993. С. 124–129.

Коваль Ю. Чайник // Жужукины дети, или Притча о недостойном соседе / Антология короткого рассказа. Россия, 2-я половина XX века / Сост. А. Кудрявицкий. М.: НЛО, 2000. С. 235–237.

Мамлеев Ю. Валюта // Черное зеркало. М.: Вагриус, 1999. С. 68–76.

Попов Е. Феномен // Жужукины дети, или Притча о недостойном соседе / Антология короткого рассказа. Россия, 2-я половина XX века / Сост. А. Кудрявицкий. М.: НЛО, 2000. С. 403–404.

Рубина Д. Дорога домой // Окна. М.: Эксмо, 2012. С. 13–18.

The Russian / Soviet Culture Literary Text Patterns as an Object of Analysis by Foreign Students

Irina Yatsenko,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: *irinayat@gmail.com*

The article is devoted to the issue of identifying culturally marked units of a literary text to analyze them throughout the process of acquiring reading skills by foreign students. The issue of nomination for these text units is discussed. It is proposed to use the term pattern as the most universal one when analyzing literary texts throughout the work with foreign students. The identification and study of patterns will allow to form background knowledge that foreign students need to decode a literary text in Russian.

Key words*: literary text analysis, Russian as a foreign language, local text, linguoculturology, pattern.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-4-18-22

Использование песенного материала на занятиях по РКИ (из опыта работы)

Э.С. Рагулина,
Курский государственный университет
E-mail: *elina1984@yandex.ru;*
Н.Ю. Арзамасцева,
Курский государственный университет
E-mail: *n_arz@mail.ru*

В настоящей статье представлены актуальные вопросы использования песенного материала на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ). Выделены основные преимущества использования песенного материала, помогающие раскрыть основные компетенции при обучении иностранному языку. Рассмотрены критерии отбора песен, предъявляемые для комплексной работы по использованию песенного материала на занятиях по РКИ. Даны примеры использования различных песен в соответствии с языковым уровнем иностранных студентов.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, песенный материал, иностранные студенты, компетентностный подход, аутентичный текст.*

Общеизвестно, что развитие методики преподавания любой учебной дисциплины не представляется возможным без использования основных методологических подходов. Залогом успешного процесса обучения всё чаще является сочетание нескольких подходов. В обучении РКИ для оптимизации процесса овладения языком широко используются компетентностный, личностный, культурологический, когнитивный и системный подходы. Использование песенного материала на занятиях по РКИ в полной мере реализует применение вышеперечисленных методологических подходов.

Песня предстает в процессе обучения иностранному языку прежде всего как оригинальный учебный текст, «факт культуры иностранного языка, целесообразный для учебной коммуникации и имеющий знаковую функцию» [Арутюнов 1990: 76]. Песенный текст может быть отнесен как к прагматичному типу учебных текстов, так и к проективному, когда для понимания текста, необходимо владеть страноведческой информацией о стране изучаемого языка. Таким образом, песня выполняет двойную функцию: с одной стороны, способствует пониманию русского образа мыслей, что для иностранных обучающихся представляет чрезвычайную сложность, особенно на начальном этапе изучения русского языка, а с другой – служит инструментом, позволяющим инофону взаимодействовать с носителями русского языка в непосредственном социокультурном общении.

Нужно заметить, что применительно к процессу обучения русскому языку как иностранному, рациональнее использовать не просто понятие «песня», а «песенный материал», поскольку песенный материал, во-первых, яв-

ляется примером живой иноязычной речи, а во-вторых, служит источником культурологической информации о стране.

Методика преподавания русского языка как иностранного подразумевает использование компетентностного подхода как одного из наиболее эффективных методов при обучении РКИ. Исследователи, занимающиеся этой проблемой, выделяют следующие ключевые компетенции при обучении иностранному языку: учебно-познавательную компетенцию, коммуникативную, ценностно-смысловую, информационную и общекультурную [Рагулина 2019: 282–285].

Исходя из этого, можно выделить основные преимущества использования песенного материала, помогающие раскрыть все основные компетенции:

– учебно-познавательная компетенция реализуется путем усвоения и расширения нового лексического материала, овладения и активизации изучаемых грамматических явлений, ознакомления с изучаемым учебным материалом по определенной тематике;

– коммуникативная компетенция совершенствуется через использование обучающимися уже известной им лексики в новом контексте, через совершенствование навыков языковой догадки, а также формирование фонетических навыков;

– ценностно-смысловая компетенция реализуется в возможности подбирать песенный материал с учетом личностных интересов учащихся, формировать их ценностную направленность, развивать через песни способность видеть и понимать окружающий мир;

– информационная компетенция осуществляется через совершенствование способности анализировать, обрабатывать, хранить и применять на практике полученную из песни информацию;

– общекультурная компетенция развивается через возможность изучения реалий и культуры страны изучаемого языка, овладения нормами речевого этикета, а также «живого» литературного и современного русского языка; песня, являясь аутентичным текстом, способствует отражению реального процесса функционирования языковых единиц в процессе коммуникации, моральных ценностей и представлений различных эпох и социумов.

Кроме того, использование песенного материала на занятиях РКИ, поднимает настроение, повышает мотивацию, формирует интерес к изучению русского языка.

Музыка считается одним из наиболее эффективных средств воздействия на чувства и эмоции человека, она является сильнейшим психическим стимулом, проникающим в самые глубинные уровни сознания. Текст, в свою очередь, является доминирующей единицей обучения, неким пьедесталом, на вершине которого суммируются все полученные языковые знания, умения и навыки. Как известно, человеком намного лучше и быстрее запоминается то, что для него наиболее важно и интересно, что ему близко, то, что он переживает эмоционально. Песенный материал сочетает в себе характерные особенности, как печатного текста, так и аудиоматериала, благодаря чему, представляет собой универсальное средство обучения на занятиях по РКИ.

Песенный материал может быть успешно использован как при обучении аспектам иностранного языка, в нашем случае, русского как иностранного, так и при развитии у иностранных учащихся речевых умений. Особое внимание нами уделяется устной речи,

как основной составляющей речевой деятельности, функционирующей в сфере непосредственного общения. Устойчивые выражения следует вводить целиком, не используя грамматический или структурный анализ фразы или словосочетания, что способствует более успешному и быстрому усвоению и использованию данных речевых клише в речи студентов. Важно подчеркнуть, что особо важным моментом является использование аутентичного песенного текста, так как песни, являясь относительно коротким и в то же время «живым» и глубоким источником культурных знаний, в полной мере раскрывающим культуру и моральные ценности народа страны изучаемого языка, имеют ряд преимуществ перед длинными прозаическими материалами.

Опираясь на свой опыт работы, мы считаем, что целесообразно начинать использовать песенный материал на занятиях РКИ не ранее среднего этапа обучения, хотя нередки случаи использования песен и на начальном этапе.

Работая с аутентичным текстом, иностранные учащиеся не только отрабатывают необходимые грамматические, лексические, фонетические знания, умения и навыки, но и знакомятся с фактами и особенностями русской действительности, истории и культуры, учатся извлекать из слова скрытые смыслы, понимать языковые единицы, как в прямом, так и в переносном значении.

Необходимо заметить, что работа с песенным материалом может предполагать различные цели.

Так, например, на начальном этапе обучения для совершенствования фонетических навыков целесообразнее использовать советские детские песни, в которых прослеживается четкий ритм, правильные ударения и простой для понимания русский литературный язык. Благодаря множественным повторениям и простой структуре детские песни лучше воспринимаются и запоминаются. Помимо этого, в детских песнях отражены главные моральные ценности русского народа, что дает возможность использовать детские песни для формирования общекультурной компетенции учащихся.

Использование русских народных песен для развития общекультурной компетенции также является продуктивным, поскольку они в полной мере раскрывают духовную культуру, традиции, моральные ценности русского народа, его историю.

Для отработки и закрепления грамматического материала могут быть использованы как советские детские песни, так и современные эстрадные песни. Простые грамматические конструкции успешно отрабатываются на детских песнях из советских мультфильмов. Например, для закрепления предложного падежа можно использовать «песню Барона Мюнхаузена», для работы над глаголами, мы обычно используем песни «Вместе весело шагать…», «Песенка друзей», для практики темы «Род прилагательных и существительных» хорошо подходит «Оранжевая песня».

На более продвинутом уровне можно использовать песни с более сложной лексикой и грамматикой, (песня «Если у вас нету тети» – Родительный падеж, «Дважды два – четыре» – числительные, «Этот город» – прилагательные, «Ветер с моря дул» – глаголы в настоящем и прошедшем времени, падежи).

Можно использовать песенный материал по темам: тема «Семья» («Про семью» И. Корнелюк, «Бабушка

рядышком с дедушкой»), тема «Времена года» («Что такое осень», «Снег кружится», «Три белых коня», «Весенняя капель»), тема «Учеба» («Песенка студента», «Чему учат в школе» и т. д.).

В зависимости от целей использования песенного материала, предлагаются разные критерии его отбора. В настоящей статье мы представим основные критерии, предъявляемые для комплексной работы по использованию песен на занятиях по РКИ.

1. Четкость исполнения песни, что не создает дополнительных трудностей для восприятия материала.

2. Посильность – соответствие предложенного песенного материала языковому уровню инофонов (не стоит выбирать песни с большим количеством незнакомой лексики и сложных грамматических конструкций).

3. Актуальность – песенный материал подбирается с учетом изучаемой темы – грамматической, страноведческой, отрабатываемым фонетическим навыкам.

4. Культуросообразность. Песня не должна содержать слишком большое количество сленга, что на среднем этапе может сбить с толку; табуированных слов, обесцененной лексики и не должна нести в себе призыв к насилию [Никитенко 1996: 14].

5. Тематика песен не должна затрагивать «острые темы» (политику, национальную и религиозную принадлежность и т. д.);

Из всего сказанного можно сделать вывод, что песенный материал – это универсальное средство для изучения иностранного языка, так как песни могут быть использованы в процессе изучения основных видов речевой деятельности, таких как – чтение, говорение, аудирование и даже письмо.

Таким образом, «песня на изучаемом языке может быть средством формирования социокультурного и лингвистического компонента языковой личности студента, развития его эмоциональной сферы, памяти, речевых навыков» [Воробьева 2010: 155].

Литература

Арутюнов А.Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев / А.Р. Арутюнов. М., 1990. С. 76.

Воробьева Е.В. Использование песенного материала в формировании лингвистической и социокультурной компетентностей у будущих учителей иностранного языка // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 15. С. 155.

Никитенко З.Н. Аутентичные песни как один из элементов национально-культурного компонента содержания обучения иностранному языку на начальном этапе / З.Н. Никитенко, В.Ф. Аитова, В.М. Аитова // Иностранный язык в школе. 1996. № 4. С. 14–20.

Рагулина Э.С. Особенности формирования общекультурной компетенции у иностранных студентов в процессе обучения РКИ // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Сборник материалов V Международной научно-методической конференции. Военная академия материально-технического обеспечения имени А.В. Хрулева, Омский автобронетанковый инженерный институт. Омск, 2019. С. 282–285.

The Use of Song Material in Russian as a Foreign Language Classes (from experience)

E.S. Ragulina,
Kursk State University
E-mail: e*lina1984@yandex.ru;*
N.Yu. Arzamastseva,
Kursk State University
E-mail: *n_arz@mail.ru*

The article presents current issues of using song material in classes of Russian as a foreign language. The main advantages of using song material, which help to reveal the main competencies in teaching a foreign language, are highlighted. The criteria for selecting songs, presented for complex work on the use of song material in the lessons of Russian as a foreign language, are considered. Examples of using various songs in accordance with the language level of foreign students are given.

Key words*: Russian as a foreign language, song material, foreign students, competence-based approach, authentic text.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-4-23-26

Рецензия на учебное пособие Л.С. Крючковой «Словообразование. Форма, семантика, функция, методика обучения», 2019, 216 с.

Е.Ю. Николенко,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: *nikolenko.e.yu@gmail.com*

В рецензии анализируется учебное пособие Л.С. Крючковой «Словообразование. Форма, семантика, функция, методика обучения». Отмечается, что словообразовательная система русского языка отличается богатством и разнообразием, она имеет креативные возможности, за счет которых обновляется и пополняется новыми словами словарный состав русского языка. Это приобретает особую значимость в работе с иностранными учащимися. Особенно ценным представляется описанная в пособии методика работы со словообразовательным материалом.

Ключевые слова: *словообразовательная система, иностранные учащиеся, методические принципы.*

Издательство «Флинта» выпустило в свет учебное пособие известного ученого и методиста, замечательного преподавателя Л.С. Крючковой: «Словообразование. Форма, семантика, функция, методика обучения». Словообразовательная система русского языка в пособии рассматривается в функциональном плане. Его цель – познакомить читателей с основными единицами словообразовательной системы, проанализировать формы, обобщенно-словообразовательную семантику, функции и закономерности употребления словообразовательных единиц в речевой деятельности.

Словообразовательная система русского языка отличается исключительным богатством и разнообразием, в ней четко прослеживаются креативные возможности русского языка, обновляющего и пополняющего свой словарный состав новыми словами на основе уже существующих слов, вследствие чего в русском языке существует огромное количество производных слов; из десяти слов каждые девять являются производными. Всё это приобретает особую значимость в практике работы с иностранными учащимися. В пособии рассматриваются также методические принципы описания словообразования как одного из аспектов обучения русскому языку как иностранному (РКИ) и описывается методическая организация словообразовательного материала в целях эффективного преподавания русского языка как иностранного.

Впечатляет оглавление пособия. Оно состоит из введения, четырех глав, заключения, литературы, четырех приложений.

Глава 1. Словообразование в системе русского языка.

Глава 2. Основные единицы словообразовательной системы.

Глава 3. Словообразование как один из аспектов обучения РКИ и принципы его описания.

Глава 4. Методическая организация словообразовательного материала в целях эффективного преподавания русского как иностранного.

Особенно хотелось бы отметить третью и четвертую главы, посвященные методике работы с иностранными учащимися по русскому словообразованию. Если на продвинутых этапах обучения в пособиях еще встречаются упражнения по словообразованию, то на элементарном и базовом уровнях владения языком этим аспектом обучения РКИ вообще не занимаются. Автор проанализировала популярные учебники по русскому языку как иностранному, чтобы прийти к такому неутешительному выводу.

Поэтому особенно ценным представляется описание методики работы со словообразовательным материалом, в том числе и на элементарном уровне владения русским языком. Обучение русскому словообразованию рассматривается в аспекте основных принципов преподавания РКИ: системности, функциональности и ситуативно-тематического подхода к отбору и подаче учебного материала, сознательности, взаимосвязанного обучения аспектам и видам речевой деятельности, методической целесообразности и поэтапного формирования практических знаний в зависимости от уровня владения языком, наглядности и учета родного языка учащихся, приобщения иностранных учащихся к русской культуре через изучение русского языка.

В четвертой главе пособия подробно описывается методическая организация словообразовательного материала в целях эффективного преподавания, начиная с элементарного уровня (А1). В пособии предлагается изучать словообразование как «сквозную» тему с включением аспекта в комплексные занятия. Для этого необходимо отбирать частотные и методически оправданные словообразовательные морфемы. И, если в том или ином пособии по обучению РКИ нет заданий на формирование знаний по словообразованию, преподаватель может сам давать дополнительные задания и упражнения, способствующие тому, чтобы иностранный учащийся понимал механизм образования слов или форм слова и формировал словообразовательную компетенцию.

На элементарном и базовом уровнях (возможно, и далее) механизмы словообразования формируются на основе учебных словообразовательных моделей. Учебная словообразовательная модель наглядно демонстрирует, каким образом создается производное слово, словообразовательная пара, словообразовательная цепочка и другие комплексные единицы.

Изучение различных словообразовательных явлений в комплексе необходимо в педагогической практике, поскольку представляет собой важный мнемонический прием, существенно увеличивающий возможности усвоения структуры слова, закономерностей его образования. Знакомство с механизмами образования слов поможет учащимся расширить активный и пассивный словарный запас, будет способствовать формированию навыков языковой догадки, развитию языкового чутья, даст представление о средствах обогащения русского языка. Увеличение словарного запаса учащихся сопровождается обобщением и систематизацией знаний словообразовательной системы русского языка с учетом деривационных связей

и отношений. Обнаруживая знакомые элементы в незнакомых словах и устанавливая их значение, учащиеся постепенно овладевают не только самими лексическими единицами, но и методикой их понимания. Поэтому с учащимися важно изучать словообразовательную систему и ее функционирование.

Знакомство со словообразовательной системой русского языка важно еще и потому, что словообразовательные элементы, наряду с другими языковыми средствами, участвуют в формировании коммуникативной компетенции и, в частности, языковой компетенции. На элементарном и базовом уровнях владения русским языком необходимо знакомить иностранного учащегося с суффиксами существительных с обобщенной семантикой профессии или рода деятельности: *преподаватель, читатель, спасатель*; национальности человека: *ливанец, китаец, кореец* и др.; необходимо включать словообразовательные модели-образцы в предложения: *Учитель – человек, который учит / тот, кто учит*. Учащихся нужно знакомить со словообразовательными моделями имен прилагательных с суффиксами ***-ск-***: *Тверская улица, Ломоносовский проспект, Белорусский вокзал*; ***-н-***: *учебный предмет, паспортный контроль* и др. Причем надо иметь в виду, что преподаватель работает с иностранцами не только по учебным моделям, но и по спискам слов, от которых можно образовать производные слова, включаемые в изучаемую словообразовательную модель. В пособии раскрывается важная роль приставок и суффиксов в семантизации лексики и формировании активного и потенциального словаря учащегося и т. д.

На наш взгляд, несомненно, интересны методические советы начинающему преподавателю РКИ. Приведем некоторые их них.

Что следует делать преподавателю, работающему в иностранной аудитории:

– любой словообразовательный элемент должен быть объяснен иностранцу с позиций формы, семантики и функции;

– способы словообразования изучаются поэтапно с учетом принципа методической целесообразности, преподавателю нужно четко выстраивать стратегию методической работы;

– преподаватель работает на основе словообразовательной модели;

– для объяснения на начальном этапе обучения привлекаются средства зрительной и речевой наглядности;

– преподаватель учит различать формообразование и словообразование;

– преподаватель дает задания на наблюдение, понимание, имитацию, закрепление, запоминание, активизацию и освоение;

– поисковые задания предлагаются только после серии заданий обучающего типа;

– работу по словообразованию включает во все типы занятий, в речевые и фонетические зарядки, в игровые задания.

Чего не следует делать преподавателю, работающему в иностранной аудитории:

– изучать все способы словообразования; изучать только те, что необходимы для обучения на конкретном уровне владения русским языком;

– сложно формулировать правила; преподаватель работает по учебной словообразовательной модели с объяснением ее формы, семантики и функции;

– заниматься словообразовательным разбором школьного типа;

– отрабатывать в задании несколько словообразовательных моделей; преподаватель должен соблюдать методический принцип одной трудности.

Все методические рекомендации нацеливают преподавателя, работающего в аудитории, на профессионально продуманный подход к обучению словообразованию, на использование словообразовательного богатства русского языка во всех сферах его функционирования.

Приложения пособия, содержащие вопросы для самоподготовки, дидактические материалы для словообразовательного анализа лексики в тексте, исторически обусловленные чередования в русском языке и требования по русскому языку как иностранному делают книгу еще более актуальной для молодых преподавателей РКИ.

Завершая анализ книги, хочу выразить особую благодарность автору за методические советы начинающему преподавателю, за систему заданий и упражнений (что интересно не только начинающему), а также отметить, что пособие базируется на качественном анализе источников и большого объёма научно-методической литературы по словообразованию.

Итак, пособие Л.С. Крючковой можно оценить как высокопрофессиональное, очень полезное, а включение словообразования в практику преподавания РКИ обогатит методику обучения русскому языку как иностранному и заметно облегчит иностранным учащимся процесс обучения и освоения русского языка.

Review of the textbook by L.S. Kryuchkova “Word Formation. Form, semantics, function, teaching methods”, 2019, 216 p.

Elena Yu. Nikolenko,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: *nikolenko.e.yu@gmail.com*

The review analyzes the textbook by L.S. Kryuchkova “Word formation. Form, semantics, function, teaching methods”. Russian word-formation language system is rich and diverse, it has creative opportunities, due to which the vocabulary of the Russian language is updated and replenished with new words. This becomes especially important in working with foreign students. The methodology of working with word-forming material described in the text-book is especially valuable.

Key words: *word-formation system, foreign students, methodological principles.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-4-27-32

Памяти Галины Александровны Золотовой, ученого и учителя

Н.К. Онипенко,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
E-mail: *onipenko_n@mail.ru;*
В.Е. Чумирина,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: *vchumirina@mail.ru*

Ушла из жизни Г.А. Золотова (1924−2020), выдающийся лингвист, специалист в области русской грамматики и анализа текста, доктор филологических наук, профессор, до 2013 г. главный научный сотрудник ИРЯ РАН, до 2010 г. профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ.
Ключевые слова*: коммуникативная грамматика, русистика, анализ текста, функциональный синтаксис, синтаксема*.

Летом, 2 июля 2020 года, не дожив месяца до своего девяносто шестого дня рождения, скончалась Галина Александровна Золотова, ученый с мировым именем, яркий, талантливый исследователь, гармонично сочетавший лучшие традиции русистики с новаторством, с умением увидеть новое в известном. Ученый, создавший собственную грамматическую теорию, в которой соединились языковая система, культура и текст, и построивший свою научную школу. Жизнь Галины Александровны, долгая и непростая, вместила в себя все тяготы, которые выпали на долю того поколения, и прожита эта жизнь в полную силу: многое преодолено, многое приумножено, и теперь остается добрая память об удивительно светлом человеке, человеке высокого духа и сильной воли.

Галина Александровна Золотова (Ремейко) родилась 4 августа 1924 года (в г. Житомире) в семье Александра Григорьевича и Софии Михайловны Ремейко. Отец Галины Александровны был руководителем Группы просвещения и здравоохранения Комиссии Советского Контроля СНК СССР. Мать, София Михайловна, была врачом-педиатром. Служебные обязанности отца требовали частых переездов, поэтому семья жила и на Украине, и в Сибири (где родилась младшая сестра Галины Александровны, Ангара), в Курске, Воронеже, Москве. Московским адресом семьи Ремейко стал печально известный Дом на набережной. С 1932 г. по 1937 г. Галина Александровна училась в школе № 19 на Софийской набережной, которую не смогла закончить. Родители были репрессированы: отец расстрелян, мать сослана в Норильлаг. Так закончилась жизнь семьи Ремейко в знаменитом доме. «От той жизни не осталось ничего», – скажет много позже Галина Александровна.

Семью смогла сохранить именно Галина Александровна, которой тогда только исполнилось тринадцать лет. После ареста матери она отправила телеграмму в Ростов-на-Дону бабушке Елизавете Яковлевне и до ее приезда не дала сотрудникам соответствующих ведомств распределить детей по детским домам,

и тем самым разлучить их с младшей сестрой и братом.

Школу Галина Александровна заканчивала уже в Ростове-на-Дону, аттестат об окончании средней школы с отличием Галина Александровна получила в 1942 году. В этом же году Галина Александровна была принята на историко-филологический факультет Ростовского университета, но учеба была прервана: немецкие войска оккупировали Ростов-на-Дону, Галина Александровна была эвакуирована в Ташкент, где работала токарем на военном заводе № 702. Невозможно представить, как невысокая, хрупкая Галина Александровна работала за токарным станком, но это было: она вставала на «специальную скамеечку», чтобы дотянуться до станка, и вытачивала тяжелые детали, а пятьдесят лет спустя Г.А. Золотова была награждена медалью «**За доблестный труд в Великой Отечественной войне** 1941–1945 гг.».

Летом 1943 года Галина Александровна возвратилась в освобожденный Ростов-на-Дону, в 1944 году смогла отвезти младших сестру и брата в Норильск, к матери, которая к тому времени была досрочно освобождена и работала педиатром в норильской больнице. В феврале 1945 года Галина Александровна продолжила учебу в Ростовском университете, а в сентябре 1945 года начала учиться на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, который окончила в 1949 году. Спустя четверть века Галина Александровна вернется на филологический факультет и будет преподавать на кафедре русского языка более 35 лет.

Уже на младших курсах Галина Александровна увлеклась наукой, слушала лекции академика В.В. Виноградова и была постоянной участницей его научных семинаров. Под руководством В.В. Виноградова написала о прозе Н.М. Карамзина дипломную работу, которая была рекомендована научным руководителем к публикации в Трудах Института языкознания АН СССР. После окончания филологического факультета МГУ Галина Александровна работала учителем русского языка и литературы в средней школе № 587 в Хилковом переулке (в настоящее время Лингвистический лицей № 1555).

В 1950 г. Галина Александровна поступила в аспирантуру Института языкознания АН СССР и окончила ее в 1953 году. Под руководством В.В. Виноградова написала и успешно защитила в 1954 году кандидатскую диссертацию «Глагольные словосочетания и их типы в современном русском литературном языке (на материале сочинений А.М. Горького)». После окончания аспирантуры (с ноября 1953 г. по июнь 1961 г.) Галина Александровна преподавала на кафедре русского языка Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской.

В 1961 году Галина Александровна начала работать младшим научным сотрудником Института русского языка АН СССР (с ноября 1991 г. – ИРЯ РАН), который на долгие пятьдесят два года стал ее вторым домом. За годы работы в Институте Галина Александровна прошла путь от младшего до главного научного сотрудника, защитила докторскую диссертацию «Очерк функционального синтаксиса русского языка» (1971), получила звание профессора. В 2002 г. за плодотворную научную деятельность Указом Президента РФ Галине Александровне присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Истинная оценка научного вклада Г.А. Золотовой в русистику и мировую

лингвистику еще впереди, но уже сейчас очевиден масштаб личности и ценность созданной этим ярким ученым научной теории. Бережно, но критически относясь к идеям предшественников, Галина Александровна создала новаторскую концепцию функционально-коммуникативной грамматики, в которой теория вырастает из объекта, семантика является обязательной составляющей языковой единицы и неотделима от формы и функции, грамматика понимается как механизм порождения смыслов, а не как набор форм. Коммуникативная грамматика – это концепция, в центре которой говорящая личность и текст как результат речевой деятельности.

К целостной лингвистической теории Галина Александровна шла поэтапно. Вначале ею был сформулирован основополагающий принцип функционального подхода – принцип единства синтаксиса и семантики (она говорила: «синтаксис начинается там, где есть семантика»). Этот принцип последовательно был реализован в ее докторской диссертации и одноименной монографии «Очерк функционального синтаксиса русского языка» (1973), где было предложено функциональное описание русской синтаксической системы. На этом этапе Галину Александровну интересовали синтаксические конструкции и их компоненты. Она вводит понятие минимальной синтаксической единицы – синтаксической формы слова (позже – синтаксемы), разрабатывает типологию моделей предложения с опорой на понятие изосемии и выявляет их системные связи в синтаксическом поле. Логическим продолжением «Очерка» стал «Синтаксический словарь (репертуар элементарных единиц русского синтаксиса)», изданный в 1988 г. В период всеобщего увлечения вербоцентризмом и теорией валентности Галина Александровна создает «Синтаксический словарь» и доказывает правомерность и перспективность иного подхода к русскому синтаксису – от субстантивных синтаксем к словосочетанию и моделям предложения, от субстантивных синтаксем – к семантическим типам глаголов. В «Синтаксическом словаре» нет ни одного искусственно придуманного предложения, весь иллюстративный материал – это примеры из художественных, публицистических текстов и периодических изданий, Галина Александровна выстраивала лингвистическую теорию только с опорой на существующие тексты. Как истинно любящий свой объект филолог, она постоянно записывала всё необычное и интересное. В ее доме везде стояли ящички с карточками, на которых были выписки из книг, газет, объявлений, и даже около радиоприемника у нее всегда лежали бумага и ручка.

Важным теоретическим достижением синтаксической теории Г.А. Золотовой было обоснование принципиальной двусоставности модели предложения и возможности подлежащего в косвенном падеже. В последующие годы Галина Александровна развивает свою синтаксическую теорию, расширяет ее возможности, осуществляя переход от синтаксиса предложения к грамматике текста. В книге 1982 г. «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса», наряду с понятием изосемии и типологией моделей предложения, обсуждается понятие коммуникативного типа речи (регистра речи). Термин коммуникативный регистр речи станет важнейшим в последующих трудах Галины Александровны, поскольку он связывает грамматическую систему, говорящего и текст.

Концепция функционально-коммуникативной грамматики как целостная теория оформилась уже в начале 90-х годов, но лишь в 1998 г. вышла в свет в виде коллективной монографии «Коммуникативная грамматика русского языка». Представленная в книге теория расширила границы грамматики и показала взаимонаправленность грамматической системы и текста: система реализуется в тексте, анализ текста позволяет выстроить теорию, обладающую объяснительной силой, а применение этой теории в исследовании текста позволяет раскрыть его смысл и увидеть его структуру. В «Коммуникативной грамматике», помимо теоретических обобщений, предложен анализ художественных текстов, свидетельствующий об удивительной языковой интуиции Галины Александровны, о ее высокой книжной культуре и любви к русскому слову. В 2003 г. за книгу «Коммуникативная грамматика русского языка» Галина Александровна и ее соавторы были удостоены Шахматовской премии.

Самыми значимыми именами в мире русского языка для Галины Александровны были Пушкин и Виноградов. В одном из интервью Галина Александровна говорила о своем учителе: «Если можно проводить какие-либо параллели с другими науками, то я бы сказала так: у нас традиционная лингвистика, наука о языке, может сравниться с элементарной арифметикой, а Виктор Владимирович поднял науку о русском языке и филологию вообще на уровень высшей математики».

Следуя примеру своего учителя, Галина Александровна часто обращалась к произведениям Пушкина: дательный падеж подлежащего доказывала на фрагментах из «Евгения Онегина», коммуникативный регистр – на фрагментах о белке из «Сказки о царе Салтане». В фокусе ее внимания всегда был текст и языковой материал, основной принцип текстового анализа – пристальное внимание к языку, а не стремление доказать субъективную теорию.

Самым ярким примером соединения этих трех имен стала текстовая интерпретация русской категории вида в трудах Г.А. Золотовой. В конце 90-х – начале 2000-х Галина Александровна занималась текстовыми функциями видо-временных форм глагола, которые обнаружил В.В. Виноградов, анализируя стиль «Пиковой дамы» (1936 г.). Эту работу Галина Александровна считала «одной из самых блистательных работ, которая заложила начало теории текста». Рассматривая роль глагола в текстах разной стилистической принадлежности, Г.А. Золотова сформулировала и доказала идею текстовой сущности категории вида, показала, что семантика категории вида принадлежит уровню текста. Так, начиная построение своей научной теории с грамматики имени и синтаксиса предложения, Г.А. Золотова пришла к грамматике глагола и анализу текста, тем самым воплотив в своем научном творчестве принцип целостности научного видения языковой системы.

Отдавая долг памяти своему учителю, Галина Александровна работала с архивом В.В. Виноградова, готовила к публикации 3-е издание 1986 г. книги В.В. Виноградова «Русский язык», с 1998 г. по 2010 г руководила оргкомитетом ежегодных Виноградовских чтений в МГУ, куда приглашала ученых-филологов разных направлений.

Лингвистические идеи Г.А. Золотовой получили мировое признание. Она избрана почетным членом научных обществ Чехии, Болгарии и Франции, читала лекции по приглашению сорока зарубежных университетов, в 2000 г.

Стокгольмский университет присвоил ей звание Почетного доктора (honoris causa).

Но все очень серьезные заслуги в науке и признание их мировым научным сообществом не сделали Галину Александровну высокомерной, не заставили «почивать на лаврах», она была настоящим ученым, который задает новые вопросы и ищет верный ответ на них. Она не любила снобизма, была проста в общении и знала имена и отчества всех коллег и технических работников Института русского языка, не чужда ей была и ироничность.

Объяснительные возможности теории и обаяние личности привлекали к Галине Александровне студентов и молодых исследователей. Под ее руководством были написаны и защищены 22 кандидатские диссертации и три докторские. Г.А. Золотова, всегда помнившая своего учителя, верный его ученик, собрала и воспитала учеников-единомышленников, создала научную школу коммуникативной грамматики. Галина Александровна была удивительно щедрым человеком и мудрым учителем. Сама, будучи свободным исследователем, уважала творческую свободу учеников, ценила самостоятельность мысли, талант и языковую интуицию, позволяла каждому идти своим путем, направляя и поддерживая, и никогда не написала ни строчки в работах учеников. Она читала работу и говорила, с чем согласна, а с чем нет, всегда была готова к обсуждению и даже признанию своей ошибки.

Галина Александровна не боялась сказать то, что считала правильным, в ней был почти детский максимализм и острое чувство справедливости, она не боялась не соглашаться с признанными авторитетами и защищать идеи, в которые верила. Она не боялась критики и была открыта к любой честной дискуссии, любила живое научное обсуждение и была очень внимательна ко всему новому.

Галина Александровна была очень чутким человеком: она была внимательна и заботлива, искренне волновалась о жизни коллег и учеников, никогда не оставляла в трудную минуту, не забывала позвонить в день рождения и сказать теплые слова.

Двери ее дома были всегда открыты для коллег и учеников. После конференций в МГУ коллеги-единомышленники традиционно собирались у Галины Александровны дома, научное общение продолжалось уже за столом и иногда до позднего вечера. Те, кто бывал в гостях у Галины Александровны, помнят рабочий стол, заваленный бумагами, цветы на всех подоконниках и ящики с карточками, фотографии на книжных полках и гильзу, оставшуюся после залпа из пушки, сделанного в честь Галины Александровны в Стокгольме. Иногда гильза служила вазой, а в один год в ней стоял еловый лапник, украшенный вместо елки новогодними игрушками. В этом доме всегда было хорошо, спокойно, в нем не было суеты, было много книг, было очень светло, из этого дома гости часто уходили с подарками от хозяйки: Галина Александровна всегда хотела что-нибудь подарить и отказаться было невозможно, и самым большим подарком было, конечно, само общение с Галиной Александровной, рядом с которой действительно хотелось стать лучше.

Все, кто знал Галину Александровну, помнят ее сдержанность, элегантность, собранность; она не терпела неряшливости ни во внешности, ни в работе. Галина Александровна всегда была примером человека с настоящим чувством собственного достоинства, истинной интеллигентности и бесстрашия.

Галина Александровна ушла, но остались книги и статьи, похожие на нее: в них сила и глубина мысли заключены в изящность и красоту изложения, яркие идеи воплощены в продуманных формулировках, живая наука дышит в точном слове.

Говорят, незаменимых людей нет, но всё же они есть. Светлая память и низкий поклон дорогому учителю и большому ученому…

Литература

Жуковская Е.Е., Золотова Г.А., Леонова Э.Н., Мотина Е.И. Учебник русского языка для студентов-иностранцев естественных и технических специальностей. I-II курсы. Практическая грамматика. М.: Русский язык, 1984. 336 с.

Золотова Г.А., Дручинина Г.П., Онипенко Н.К. Программа курса «Коммуникативный синтаксис русского языка (Функциональный подход к изучению синтаксического строя современного русского языка)» (VIII-IX классы гуманитарной специализации) // Русский язык в школе. 1993. № 2. С. 33–40.

Золотова Г.А., Дручинина Г.П., Онипенко Н.К. Русский язык: От системы к тексту. 10 кл.: Учеб. пособ. для факульт. занятий общеобразоват. учрежд. гуманитарного профиля. М.: Дрофа, 2002. 320 с.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь (репертуар элементарных единиц русского синтаксиса). М.: Наука, 1988. 440 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.

Структура сложного синтаксического целого в карамзинской повести // Труды Института языкознания АН СССР, т. 3. М., 1954.

Ремейко О. «Норильск навсегда остался для нас родным...» «https://memorial.krsk.ru/memuar/K/Kasabova/10/Remeiko.htm» Дата обращения: 12.12.2020.

Remembering scientist and teacher Galina Aleksandrovna Zolotova

Nadezhda K. Onipenko
Vinogradov Institute of Russian language RAS
***E-mail**: onipenko_n@mail.ru;*
Victoria E. Chumirina
Lomonosov Moscow State University
***E-mail**: vchumirina@mail.ru*

G.A. Zolotova (1924–2020) passed away. She was an outstanding linguist and specialist in the field of Russian grammar and textual analysis, Dr. Hab. in Philology, Full Professor and chief researcher of Vinogradov Institute of Russian language RAS until 2013, who worked for more than 35 years in the department of Russian at the Faculty of Philology.

***Key words**: communicative grammar; Russian studies; textual analysis; functional syntax; syntaxeme.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-4-33-43

О научном наследии Сергея Ивановича Кормилова

С.А. Матяш,
Оренбургский государственный университет
***E-mail**: klklsb@yandex.ru*

В статье определяются основные блоки научного наследия Сергея Ивановича Кормилова. Рассматривается его вклад в области теории и истории литературы, литературной критики. Излагаются достижения в стиховедении. Обозначаются методологические принципы во всех исследуемых областях филологической науки. Отмечается исследовательский пафос ученого, выразившийся в реализованном стремлении внести вклад в решение проблемы синтеза в литературоведении. На основании анализа трудов Кормилова реконструируется его личность – ученого и гражданина.

Ключевые слова: *Кормилов С.И., теория и история литературы, методология изучения литературы, критика, стихосложение.*

20 июня 2020 года в возрасте 69 лет ушел из жизни Сергей Иванович Кормилов, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета. С.И. Кормилов был хорошо известен научной общественности России и далеко за ее пределами многочисленными опубликованными работами, выступлениями на международных конференциях, подготовкой профессиональных кадров в области филологии и научных кадров путем руководства и оппонирования кандидатских и докторских диссертаций. С.И. Кормилову уже отведено достойное место среди отечественных литературоведов [Чупринин 2003: 673]. В связи с 60-летием С.И. Кормилова справедливо были отмечены энциклопедическая широта научных интересов и энтузиазм его деятельности [Федотов 2011: 265–267]. И, тем не менее, уход из жизни большого ученого побуждает заново осмыслить его научное наследие, обозначить открытия и наиболее значимое в методологии и методике исследователя.

В научном наследии С.И. Кормилова можно выделить три блока: теория и история литературы; литературная критика; стихосложение. Исследования ученого по теории и истории литературы мы объединяем в один блок по следующим соображениям. Кормилов считал, что литературовед в своей деятельности может «опираться» либо на «серьезную традицию в эстетике», либо «на реальную историю мировой литературы» [Кормилов 1999: 39]. Его труды показывают, что он прежде всего опирался на реальную историю мировой литературы. Серьезной традицией в эстетике для него была, по всей видимости, традиция А.Н. Веселовского, установившего в своих работах «прямую взаимосвязь теоретического и исторического изучения литературы» [Гей 1986: 117]. Этой традиции Кормилов следовал всю свою творческую жизнь, ставя конечной целью создание «теоретической истории литературы» [Кормилов 2018: 183]. Сергей Иванович мог также опереться на работу теоретика А.И. Белецкого, поставившего

проблему синтеза в литературоведении [Белецкий 1989: 127–144]. В трудах С.И. Кормилова теоретические и исторические аспекты исследования тесно связаны. Правда, среди его трудов есть книга «Основные понятия теории литературы. Литературное произведение. Проза и стих», а также ряд статей сугубо теоретического плана и книги, посвященные истории литературы, – «Поэзия М.Ю. Лермонтова», «Владимир Маяковский» (в соавторстве с И.Ю. Искржицкой), «Поэтическое творчество Анны Ахматовой», «История русской литературы XX века (20–90-е годы): основные тенденции». В первой книге анализируются категории и обозначающие их термины, необходимые, по мнению автора, для анализа художественного произведения: художественный образ; содержание и форма; тема, проблема, идея; виды идейно-эстетического содержания; образный мир; композиция; сюжет и фабула; особенности художественной речи. В книгах второй группы анализируются творчество отдельных писателей и литературный процесс XX века. Однако те и другие труды имеют теоретико-литературный характер. Достоинство первой из названных книг не только то, что в ней даются свойственные Сергею Ивановичу четкие формулировки понятий, но и то, что эти понятия и обозначающие их термины рассматриваются в традиции исторической поэтики на большом материале мировой литературы с широкими хронологическими границами. В свою очередь в книгах, посвященных истории литературы, выделенные ученым категории, не только фигурируют, но активно работают: индивидуальность писателя и тенденции литературного процесса выясняются путем анализа художественной ткани произведения в аспекте этих категорий.

Такой синтез теории и истории литературы можно увидеть уже в первой книге Сергея Ивановича «Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» (1983), написанной в соавторстве с одним из ведущих теоретиков литературы В.Е. Хализевым. Молодому ученому в этой книге принадлежат две (из пяти) главы: «Крах сил войны и разъединения», «Ход истории и течение романа». В этих двух главах и в совместно с В.Е. Хализевым написанном «Предисловии» обозначен ряд методологических принципов, которые реализуются во всех последующих книгах Кормилова. В числе первых следует назвать принцип единства содержания и формы, восходящий, как известно, к Гегелю и актуализированный отечест-венным литературоведением в 60-е годы прошлого столетия. В «Предисловии» авторы пишут: «В книге нет глав, в которых речь шла бы только о содержании или только о форме <…>» [Хализев, Кормилов 1983: 5]. Такое заявление С.И. Кормилов мог бы сделать в каждой своей работе. Исследование истории литературы побуждало Кормилова многократно возвращаться к категориям «содержание и форма». В этой дихотомии он справедливо считал наиболее неразработанным понятие «содержание», поэтому сделал ряд уточнений этого понятия. Синонимом «содержания» он предложил считать «внутреннее» (в противоположность «внешнему» – форме), «сущность», наконец, «идейно-эстетическое содержание» с многочисленными видами [Кормилов 1995:16; 23; 35–48]. Проанализировав идейно-эстетическое содержание «Гамлета» Б. Пастернака и «Реквиума» А. Ахматовой, ученый

показал многослойность содержания произведения.

Помимо методологического принципа единства содержания и формы С.И. Кормилова в первой и последующих книгах волновал принцип историзма. Этот принцип, по всей видимости, был осознан ученым в период работы над кандидатской диссертацией по теории литературы («Принцип художественного историзма и русская художественно-историческая литература 1860-х гг.», 1977) и затем провозглашался во всех работах по истории литературы. Сергей Иванович осуждал «подтягивания» русских писателей к идеологии декабристов или революционеров-демократов, предостерегал против любой модернизации при интерпретации художественного произведения, удаленного во времени от современного читателя.

Отмеченная выше «многослойность» «идейно-эстетического содержания» произведения во многом определяла методологию и методику анализа произведения. При всем интересе к форме С.И. Кормилов никогда не ограничивался только имманентным анализом текста. Во всех его работах анализ проводится в нескольких контекстах – биографическом, литературном, идеологическом. Биографический контекст в трудах Сергея Ивановича вызывает восхищение. Это всегда очень краткие справки с акцентом на тех моментах в жизни писателя, которые находят отражение в творчестве или объясняют особенности мировоззрения и миросозерцания писателя. Так, скажем, при изучении поэзии М. Лермонтова ученый останавливается достаточно подробно на детских годах поэта, потому что, по его мнению, именно обстоятельства жизни детских лет сформировали «острое неприятие действительности, в которой есть смерть» и «мстительное чувство к несовершенному миру» [Кормилов 2000: 9]. В книге о поэзии Лермонтова упомянуты и все «любовные сюжеты» поэта, потому что героини этих сюжетов являются адресатами его посланий и инвектив. А среди биографических сведений о А.И. Солженицыне нет упоминаний о его «любовных сюжетах», потому что не они определяют идейно-эстетическое содержание произведений писателя, история жизни которого – «это история бесконечной борьбы с тоталитаризмом» [Кормилов 2018: 177]. Литературный контекст обеспечивался уже отмеченным энциклопедизмом научных интересов Сергея Ивановича, который позволяет ему свободно сопоставлять отдаленные во времени факты литературы. Например, утверждение тезиса, что характеры персонажей советской литературы не всегда «героические по преимуществу», обосновывается указанием на «одерживающих моральную победу» «неизвестных героев» белорусского писателя В. Быкова, предшественниками которых были воюющие герои «Войны и мира» [Кормилов 1999: 29]. В связи с идеологическим контекстом следует иметь в виду, что С.И. Кормилов решительно выступал против сведения «сущности» произведения к его идеологической сущности [Кормилов 1999: 18], но это не означает, что ученый не учитывает политических и идеологических сдвигов в мире, стране, обществе. При анализе творчества отдельных писателей, тем более, литературного процесса, он придает значение отношению практически всех писателей к власти; в отдельных случаях акцентирует отношение писателя к религии (например, показывает сложное отношение к Богу Блока [Кормилов 2018:

17]); учитывает роль таких исторических событий, как войны и революции; фиксирует смену эпох («тоталитарный режим», «оттепель», «перестройка»).

Методологический принцип рассмотрения художественного произведения в нескольких контекстах влечет за собой расширение источниковедческой базы исследования. Понятно, что для С.И. Кормилова главным источником были канонические тексты. Однако во всех историко-литературных и теоретико-литературных работах ученый опирался на большой круг других источников: письма, воспоминания, дневники, отзывы современной писателю критики, лекции (лекции Вяч. Иванова в Поэтической академии), материалы текстологического характера.

В рассматриваемых книгах по истории литературы при описании индивидуальности писателей тексты произведений анализировались с использованием выше обозначенных категорий. Но, пожалуй, важнейшей категорией, применяемой для характеристики писателя, является жанр. Большое внимание к жанру, очевидно, было следствием обучения у В.Н. Турбина, для которого без анализа жанров вообще было немыслимо изучение литературы [Турбин 1978: 6–15].

Отмеченная энциклопедическая широта научных интересов С.И. Кормилова проявляется не только, а, может быть и не столько в книгах, сколько в его многочисленных статьях и рецензиях. Здесь нужно отметить два момента. Первый: в безгранично расширенном круге исследуемых писателей – не только, по выражению Маяковского, «генералы-классики» (Г. Державин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, И. Тургенев, И. Гончаров, А.Н. Островский, Л. Толстой, А. Чехов, А. Ахматова, А. Твардовский, И. Бродский и др.), но и авторы второго ряда (А.К. Толстой, Н. Волошин, В. Ходасевич, И. Шмелев и др.) и даже третьего (М. Херасков, А. Воейков, К.Р., И. Рукавишников и др.). Второй момент: ни одна публикация Кормилова не посвящена анализу произведения «в целом». Эстетически ориентированный анализ ученого – всегда аспектный. В названия статей всякий раз выносится теоретическая категория, и произведение анализируется под углом зрения этой категории. В числе категорий – жанр, циклизация, контекст, батализм, цитата, реминисценция, мифопоэтика, комизм, игровые моменты, рубаи, метр, строфа, рифма. Особое место среди категорий занимает персонаж. В разных статьях Кормилова персонажи анализируются в специфических ракурсах, обозначенных уже в заглавии статьи, – как «смеющиеся и улыбающиеся» у Гончарова в «Обломове», как имеющие «чины, должности, награды и благосостояние» у Грибоедова в «Горе от ума», как «фигуры исторических правителей» в поэзии Ахматовой, как «население» в лирике К. Васильева и др.

В рассматриваемом блоке «теория и история литературы» несомненную значимость имеет вклад Кормилова в исследование литературного процесса, для изучения которого он ввел понятие «литературные общности» и предложил следующую их типологию. «1. «Синхронные», культурно-географические – региональные и зональные <…> 2. «Диахронные» общности – в основном литературные эпохи <…> 3. Общности собственно-художественные: направления, течения, школы и т. д. <…>» [Кормилов 1999: 261–263]. Как нам представляется, второй тип «литературных общностей» Кормилов имеет в виду, излагая свое

видение истории русской литературы XX века. Это видение дано в обобщающей вводной главе названной выше книги по истории литературы [Кормилов 2018]. Здесь много впечатляющих новаций. Первая из них – обозначение основных потоков литературного процесса. В современном литературоведении в русской литературе XX века помимо советской литературы выделяют так называемую «возвращенную литературу», ставшую известной читателю во второй половине 80-х годов. Это общепринято и вошло в учебники (см., например, [Роговер 2008: 468]). Кормилов считает, что великий «раскол» литературы в начале 20-х годов [Голубков 1996: 204] вызвал ее деление не на две, а на три ветви – советскую литературу, «задержанную» (внутри страны) и литературу русского зарубежья. Ученый определяет время появления этих ветвей и разное время включения в литературный процесс «задержанных» и зарубежных писателей. Ученый показывает, что в каждой из обозначенных ветвей русская литература имела свои особенности – в условиях создания, в судьбах писателей, в востребованности читательской аудиторией и т. п.; имела свои темы и проблемы. И тем не менее, Сергей Иванович, солидаризируясь с Е.Г. Эткиндом [Эткинд 1988], настаивает на единстве трех ветвей русской литературы XX в. Это единство основывается на единстве корней, на новаторских устремлениях всех писателей, на верности художественным принципам, не позволяющим советским писателям «сознательно лгать». Утверждаемое единство определило композицию вводной главы и всей книги: обозначенные ветви литературы рассматриваются не отдельно, а внутри каждого из выделенных периодов; далее следующие 18 персональных очерков посвящены выдающимся русским писателям всех трех ветвей, и последовательность очерков (от А. Блока до А. Солженицына) определяется только хронологией.

Несомненный интерес представляет стремление Кормилова дать общие характеристики литературе XX века путем сравнения ее с литературой XIX века по нескольким параметрам: по классикам в поэзии, по поэтам и прозаикам второго ряда, по используемым жанрам, по соотношению изобразительного и выразительного начал в произведениях двух веков. Кормилов дает ряд характеристик века самого общего плана: XX веку ближе «серебряный век», чем классический XIX-ый; литература XX века разнообразнее литературы XIX века «по исходным глобальным творческим принципам» и др. В рассматриваемом труде разбросаны также многочисленные неожиданные сопоставления более частного характера (например, сравнение «Клеветникам России» Пушкина со «Скифами» Блока и др.). Наверное, это и есть, по Кормилову, «диахронные общности» разного масштаба.

Переходя к рассмотрению второго блока научного наследия С.И. Кормилова, нужно прежде всего подчеркнуть, что вопросами литературной критики ученый занимался длительное время. Ему принадлежит учебное пособие, написанное в соавторстве с Е.Б. Скороспеловой «Литературная критика в России XX века (после 1917 года)» и ряд статей, предшествующих пособию и написанных в последующие годы. Две истории – история литературы и история критики – в изложении Кормилова предсказуемо связаны общим материалом и теоретико-методологическими подходами к его изучению. В числе подходов – расширение материала за счет рассмотрения критиков разного масштаба дарования.

В «Предварительных замечаниях», написанных Кормиловым, четкое заявление: «Нельзя ограничиться изучением лучших образцов критики <…> Не бывает хорошей истории литературы и критики». Общей является и провозглашаемая Кормиловым цель: не только изложить факты, но и выявить основные тенденции развития критической мысли. Сближает две истории и большая источниковедческая база. Исследование основных тенденций эволюции русской критики осуществляется за счет осмысления колоссального материала: критических статей в журналах, газетах, альманахах, рецензий (в том числе в ряде случаев – внутренних рецензий), анкет, интервью, материалов съездов писателей, материалов дискуссий («О формализме», «О социалистическом реализме» и др.), судеб журналов («Новый мир», «Юность», «Молодая гвардия»), судеб отдельных книг («В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана), статьи и письма писателей, касающиеся литературной критики (А. Суркова, А. Фадеева, Ф. Абрамова), выступления крупнейших литературоведов по вопросам теории литературы и критики в 40-е и 60-е годы.

Как и в трудах по истории литературы, в изложении истории русской критики С.И. Кормилов придерживается принципа историзма. История критики, как и история литературы, предстает в своих поворотных моментах. Общие оценки периодов в двух историях во многом совпадают. Так, «предельным упадком» литературы и критики характеризуется вторая половина 40-х – начала 50-х годов. В обеих историях придается большое значение «шестидесятничеству». Убедительно показывается оживление литературы и критики в эпоху перестройки [Кормилов 2001]. Вместе с тем принцип историзма побуждает Кормилова осуждать «неисторические крайности» эпохи «перестройки», когда развернулась критика с несправедливо суровой оценкой творчества М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова.

Существенное отличие истории критики от истории литературы, в изложении Кормилова, заключается в том, что при анализе критических и других материалов значительно большее место занимает идеологический контекст. Эстетически ориентированный анализ остается и в работах этого блока (например, в каждом периоде истории отмечаются ведущие на данном этапе жанры критики и особенности стиля отдельных критиков), но всё же решительно преобладают вопросы политики и идеологии.

В исключительно богатых наблюдениями и выводами трудах Кормилова по критике следует выделить сквозные темы. Это прежде всего тема тоталитаризма. Другой сквозной темой является отношение с Западом. Излагая историю критики по периодам, он показал то усиление, то ослабление конфронтации: от тотального неприятия русскими (советскими) всего западного (буржуазного) до недоверия ко всему, идущему с Запада. Еще одной сквозной темой следует назвать тему стиля критических материалов. Кормилов осуждает публикации разоблачительного характера, «волны проработок», сознательное искажение позиции противника. В главах книги, написанных Кормиловым, высоко оценивается роль новомирской критики с ее пафосом единства эстетических и этических критериев.

В научном сообществе С.И. Кормилов известен прежде всего как стиховед. Среди его многочисленных стиховедческих трудов главным является монография «Маргинальные системы русского сти-

хосложения» [Кормилов 1995], написанная по материалам ранее защищенной докторской диссертации того же названия. Сам Кормилов считал целью данного труда – «продвинуться в направлении создания современной синтетической теории литературы» [Кормилов 1995: 141].

Понятие «система стихосложения» в мировой науке – традиционное, но в это традиционное понятие наш стиховед привносит дополнительное содержание. Он впервые в науке говорит о том, что помимо основных, самодостаточных, систем, определяемых преимущественно особенностями языковых просодий (стихосложение квантитативное, силлабическое, силлабо-тоническое, тоническое), существуют еще, в его терминологии, «маргинальные системы». «Маргинальные системы», по Кормилову, – это те, которые находятся «на стыке между очень разными формами, более того, разными сферами литературы и культуры»; «маргинальные системы» чаще всего включают амбивалентные формы [Кормилов 1995: 4, 14].

В указанной монографии рассматриваются три маргинальные «межсистемные общности», которым посвящены отдельные главы: «Лапидарный слог», «Кратчайшие стихотворения (литературный моностих)», «Метризованная проза». «Свободный стих эпохи господства силлабо-тоники». В теоретико-методологической главе, посвященной раскрытию понятия «маргинальные системы», Кормилов обозначил методологические принципы историзма и рассмотрения поэтов разного масштаба дарования, которыми, как мы выше показали, он руководствовался и в работах других блоков. Но при исследовании «маргинальных систем» эти методологические принципы становятся особенно значимыми. При описании стиховых форм так называемого «лапидарного стиха» и моностиха (это надписи на памятниках, скульптурных и архитектурных сооружениях, досках и медалях, подписи к акварелям, заготовки поэтов, обособившиеся афористические строки произведений, заглавия поэтических сборников и других изданий и др.) Кормилов проводит фронтальное обследование русской поэзии, решительно вводит в научный оборот тексты не только второстепенных и третьестепенных поэтов, но и совсем неизвестных авторов и даже анонимные тексты. В связи с принципом историзма при исследовании маргинальных систем Кормилов оперирует понятием «ритмическое ощущение», связанное с восприятием известных и доступных произведений той или иной эпохи. Этот подход представляется очень плодотворным. В исследовании «маргинальных систем» дополнительно провозглашается «культурно-историческая методология» [Кормилов 1995: 5], которая означает необходимость учета экстрастиховых условий функционирования стиховых форм. Эта методология нагляднее всего реализуется ученым при описании структуры «лапидарного слога» с учетом величины и формы кладбищенских памятников и иных сооружений, характера акварельных рисунков и т. п.

Из «маргинальных систем» стихосложения наибольшее внимание Кормилов уделяет метризованной прозе, посвящая ей самую большую главу в рассматриваемой монографии и многочисленные последующие публикации. В истолковании ученого, метризованная проза – это «организация речи, при которой стопный или другой горизонтальный ритм (дольниковый,

изредка тактовиковый) не сопровождается регулярным, упорядоченным членением на соизмеримые отрезки фразового характера» [Кормилов 1995: 86]. При таком определении метризованной прозы – отличие данного понятия от понятия «мнимая проза», которое описал М.Л. Гаспаров, имея в виду тексты типа «Песен» М. Горького [Гаспаров 1993: 18–19]. (На это отличие Сергей Иванович указывал во всех своих публикациях по метрической прозе).

В поле зрения исследователя находятся произведения, целиком написанные метризованной прозой, и произведения, в которых метризация прозы появляется в отдельных фрагментах текста. Обладая исключительным ощущением ритма разных классических и неклассических форм, Кормилов в прозаических произведениях обнаруживал тексты разных ритмов – двусложниковых, трехсложниковых, дольниковых, тактовиковых и тексты с комбинацией метров. Ученый обследовал огромный материал русской прозы XVIII–XX веков, в том числе – эмигрантской прозы и переводов с разных языков. Изложение результатов обследования в монографии и последующих публикациях строится как аналитический обзор выявленного материала с остановками для более детального анализа отдельных произведений (романы А. Белого, «Человек» М. Горького и др.). Попутно отмечаются предпочитаемые жанры и изменения жанровых предпочтений, а также функции – характерные (драматизация, лиризация, архаизация) и эксклюзивные (мифологизация в прозе Ч. Айтматова и О. Сулейменова). Особо следует отметить, что в связи с метризованной прозой появляется новый – историко-функциональный – аспект анализа материала: отношение к метризованной прозе со стороны писателей и читателей.

Как справедливо замечает С.И. Кормилов, свободным стихом, в отличие от других маргинальных форм, занимались многие отечественные стиховеды. Поэтому этот раздел монографии строится на полемике. В современной научной и учебной литературе термин «свободный стих» и «верлибр» употребляются, как правило, в качестве синонимов. Кормилов принципиально разводит эти понятия. Свободным стихом он именует стих, выходящий за пределы силлаботоники в «эпоху господства силлаботоники», то есть второй половины XVIII–XX вв., а верлибром он именует свободный стих конца XIX – начала XX вв. (у В. Брюсова, А. Блока и др.). Сергей Иванович руководствуется манифестируемым им методологическим подходом, учитывающим контекст создания и функционирования стиховой формы, в свою очередь определяющей ритмоощущение той или иной эпохи. Стиховед категорически против утверждения ученых, что русский свободный стих появился уже в XVIII веке в переложениях псалмов А. Сумароковым. Имея в виду семантику термина, он иронически замечает, что в период утверждения силлабо-тоники, абсолютно новой системы русского стихосложения, «освобождаться никому в голову не приходило» [Кормилов 1995: 18]. В XIX веке ритмическое ощущение поэтов, по утверждению Кормилова, было также силлаботонизировано, поэтому ученый не соглашается считать свободным стихом (в современном значении термина), скажем, стихотворное переложение «Слова о полку Игореве» В. Жуковским (в данном случае он возражает, в частности, и автору настоящей статьи).

Несомненно, что большой научный интерес представляют наблюдения и выводы по поводу переводов поэзии И.-В. Гете и Г. Гейне. Проанализировав стиховые формы М. Дмитриева, А. Строговщикова, Ф. Глинки, А. Фета, Я. Полонского, Кормилов заметил «античную подоплеку» всех русских переводов: поэты как бы «освящали отход от силлабо-тоники ореолом глубокой древности». Общим выводом ученого был тезис, что в середине XIX века был создан «свободный стих античного типа» [Кормилов 1995: 123–127].

Дополнительно к сказанному отметим два вывода, касающиеся закономерности литературного процесса: свободный стих «проходил» легче, чем дольник; первые опыты свободного стиха и прозостиха осуществляли одни и те же авторы [Кормилов 1995: 128, 131].

В стиховедческом блоке наследия С.И. Кормилова необходимо отметить многолетнюю системную работу ученого по внедрению основ стиховедения в практику изучения и преподавания русской литературы. Эта системность выражается как в создании собственных научных и научно-популярных работ, посвященных раскрытию понятий и терминов классического стиха с обязательным включением анализа содержательности стихотворной формы [Кормилов 1995: 94], так и в многочисленных рецензиях на работы литературоведов. Сергей Иванович негодовал по поводу ошибок в определении стихотворных размеров; иронию и сарказм вызывали у него формулировки «псевдостиховедов» типа «быстрые хореи», «нервные тонические стихи» и т. п. «Не нужно дезориентировать доверчивых читателей», – писал он в этих случаях [Кормилов 1986: 226–228].

В завершение краткого обзора трех блоков научного наследия С.И. Кормилова считаем необходимым сказать о личности ученого, какой она предстает из его опубликованных работ. Совершенно ясно, что Сергей Иванович Кормилов – очень яркий, талантливый филолог, счастливо обладающий двумя совершенно разными способностями. Первая из них – способность замечать в художественном произведении все реалии, многочисленные детали и подробности, особенности ритма и замеченное связывать с интенцией писателя. Вторая – способность видеть мировой литературный процесс «с птичьего полета» с последующим созданием всеобъемлющих типологий. Сергей Иванович – смелый ученый, выдвигающий оригинальные, может быть, не всегда бесспорные, концепции.

С.И. Кормилов принадлежит к тем ученым, которые вдохновляются материалом исследования, а не пафосом чужих работ. И в то же время он прекрасно знает чужие работы в своих и смежных областях. Он уважает предшественников, но неизменно следует принципу: «нужно проверять всех предшественников» [Кормилов 2010: 408]. Критические замечания Кормилова по поводу неточностей в датах, фактах, цитировании и других «огрехов» адресовались авторам научных работ независимо от их статуса. В одной из рецензий Кормилов отметил как высшую похвалу «интеллигентскую щепетильность» стиховеда В.Е. Холшевникова [Кормилов 1986: 232]. Стиль полемики с предшественниками и современниками свидетельствует о том, что сам Сергей Иванович обладал «интеллигентской щепетильностью» и научной честностью до щепетильности. С.И. Кормилову была близка формула М.Л. Гаспарова «филология как нравственность». Заголовки рецензий Кормилова типа «Обман – не всегда надувательство», «Умные – они же хорошие» говорят о том,

что он был ученым не только строгим и серьезным, но и веселым.

Труды С.И. Кормилова по теории и истории литературы, по критике свидетельствуют о его общественном темпераменте, о ярко выраженной гражданской позиции. Отчетливо видно, что Сергей Иванович осуждал тоталитаризм в самых разных его проявлениях. Примечательный факт: он печатал статьи и рецензии в различных научных изданиях; из литературно-художественных и общественно-политических журналов он выбрал для своих публикаций «Знамя» Г. Бакланова с ярко выраженной демократической ориентацией.

Многие книги Кормилова изданы в жанре учебных пособий. В них ученый напрямую обращался к юным читателям. Не изменяя научному подходу, он в доступной форме объяснял им законы творчества и формировал в них своих единомышленников.

У С.И. Кормилова много статей, посвященных отдельным ученым. В них помимо всего прочего он предстает большим патриотом России. Сергей Иванович гордился достижениями отечественного литературоведения и старался своими трудами эти достижения приумножить. Это ему удалось сделать.

Литература

Белецкий А.И. Проблема синтеза в литературоведении // Белецкий А.И. В мастерской художника слова. М.: Высшая школа, 1989. С. 127–144.

Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х–1925-го годов в комментариях. М.: Высшая школа, 1993. 272 с.

Гей Н.К. Историческая поэтика и история литературы // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 117–127.

Голубков М.М. Раскол: (Русская историко-культурная ситуация первой трети XX века и литературный процесс) // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1996. Вып. 1. С. 204–239.

Кормилов С.И. Новое о русском стихосложении // Вопросы литературы. 1986. № 5. С. 226-234.

Кормилов С.И. О восприятии русской метризованной прозы в XIX в. (к исторической специфике ритмического ощущения) // Филологические науки. 1991. № 3. С. 13-37.

Кормилов С.И. Маргинальные системы русского стихосложения. М.: Изд-во МГУ, 1995. 158 с.

Кормилов С.И. Основные понятия теории литературы. Литературное произведение. Проза и стих. М.: Изд-во МГУ, 1999. 112 с.

Кормилов С.И. Поэзия М.Ю. Лермонтова. 3-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2000. 128 с.

Кормилов С.И. Основные вехи развития литературной критики в период перестройки // Человек и общество: материалы международ. науч.-практич. конф. Оренбург, 2004. С. 111–113.

Кормилов С.И. Стиховедческие хрестоматии В.Е. Холшевникова и М.Л. Гаспарова и проблема их комментированного переиздания // Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития. СПб.: филологический ф-т СПбГУ, 2010. С. 407–420.

Кормилов С.И. История русской литературы XX века (20-90-е годы): основные тенденции. М.: Юрайт, 2018. 192 с.

Кормилов С.И., Скороспелова Е.Б. Литературная критика в России XX века (после 1917 года): материалы к курсу. М.: Диалог-МГУ, 1996. 64 с.

Роговер Е.С. Русская литература XX века: учебное пособие. 2-е изд. СПб., М.: САГАФОРУМ, 2008. 496 с.

С.К. (Кормилов С.И.). Литературные общности // Современный словарь-справочник по литературе. М., 1999. С. 261–263.

Турбин В.Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов: об изучении литературных жанров. М.: Просвещение, 1978. 289 с.

Федотов О.И. Сергей Иванович Кормилов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3. С. 265–267.

Хализев В.Е., Кормилов С.И. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир». М.: Высшая школа, 1983.112 с.

Чупринин С.И. Новая Россия: мир литературы: энциклопедический словарь-справочник. Т. 1. М.: Вагриус, 2003. 673 с.

Эткинд Е.Г. Русская поэзия XX века как единый процесс // Вопросы литературы, 1988. № 10. С. 189–211.

On the scientific heritage of Sergei Ivanovich Kormilov

Svetlana Matyash,
Orenburg State University
***E-mail**: klklsb@yandex.ru*

The article defines the main blocks of the scientific heritage of Sergei Ivanovich Kormilov. His contribution to the field of theory and history of literature and literary criticism is presented. Achievements in the theory of verse are described. Methodological principles in all studied areas of philological science are indicated. The research pathos of the scientist is noted, expressed in the realized desire to contribute to the solution of the problem of synthesis in literary criticism. Based on the analysis of Kormilov's works, his personality of a scientist and a citizen is reconstructed.

***Key words**: S.I. Kormilov, theory and history of literature, methodology in literature studies, criticism, versification.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-4-44-47

Духовное завещание Г.И. Рожковой

В.В. Добровольская,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
***E-mail**: lera812712104@gmail.com*

В наступающем году будет отмечаться 100-летие со дня рождения Г.И. Рожковой, одного из основоположников дисциплины «Русский язык как иностранный». Автор вспоминает одно из последних публичных выступлений Г.И. Рожковой и показывает актуальность и современность сформулированных ею идей и методических принципов для современной лингводидактики.

***Ключевые слова:** Г.И. Рожкова, РКИ, лингводидактика, методика преподавания РКИ, юбилей.*

Мы знаем, что в 1951 году была создана первая кафедра РКИ в России. Она была создана на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, и заведующей этой кафедрой в течение долгих лет была Галина Ивановна Рожкова. С именем Галины Ивановны Рожковой неразрывно связано становление нашей профессии и практической русистики в целом.

Сегодня мне хотелось бы вспомнить вместе с вами одно из последних выступлений Галины Ивановны – доклад, сделанный ею в РУДН. Исследователи истории РКИ называют этот доклад духовным завещанием Галины Ивановны, поскольку в нем можно увидеть и круг интересов, и масштабность мышления и осознание задач и перспектив дальнейшего развития РКИ классиком нашего предмета.

Прежде всего, нам следует обратить внимание на название доклада – «Социальный заказ и проблемы практической русистики». Тема, заявленная докладчиком, относится, на наш взгляд, к числу вечных, перманентных тем. Доклад под таким названием следовало бы повторять исследователям предмета РКИ через определенные промежутки времени, чтобы мы, профессионалы, могли четко проследить ведущие тенденции развития РКИ за этот период и оценить с этих позиций свою преподавательскую деятельность. Социальный заказ, по определению Галины Ивановны, – это требования времени, отражающие наиболее яркие проявления общественного сознания. А профессиональные потребности практической русистики и, в частности, РКИ определяются на каждом этапе развития предмета с учетом его коррекции временем, потерь и достижений этого периода. И на всех этапах развития РКИ неизменной задачей специалистов этой дисциплины остаются поддержка культуры русской речи в целом и формирование языковой, речевой и социально значимой личности учащегося.

Анализируя потери последних лет, Галина Ивановна условно называет их «преувеличение» и «забвение». Эти явления, по ее мнению, надо устранить в нашей работе, чтобы наметить плодотворные перспективы развития РКИ в дальнейшем. Примером «преувеличения» может служить имевшее в то время место увлечение языком бизнеса как главным информативным материалом обучения. Г.И. Рожкова

выражает опасение, что при таком подходе потребности учащихся более широкого круга не получают должного развития и обеспечения и общая русская речевая культура может быть недостаточно представлена в учебном процессе.

Говоря о современном состоянии русского языка и потерях в этой области, Галина Ивановна справедливо отмечает, что язык отражает нравственное состояние общества, на нем говорящего, и в свою очередь оказывает обратное влияние на него. Она приводит примеры, свидетельствующие об известном падении русского языка и его общеобразовательных завоеваний. Ей режут слух такие словосочетания как «высшие авторитеты криминального мира», «вор в законе», «ихние спонсоры» и такие ненужные, по ее мнению, заимствования как «шоп», «супермаркет» и другие. Галина Ивановна высказывает твердое убеждение, что мы, люди, работающие в области РКИ, должны «усилить голос профессионалов», защищая русский язык всеми возможными способами от фиксации и анализа речи СМИ, от бесед, лекций и дискуссий с самой широкой аудиторией до обучения правильной речи государственных деятелей (по их желанию).

Что касается «забвения», то здесь Галина Ивановна имеет в виду забвение некоторых исходных установок в теории и практике преподавания РКИ, в координации всей работы в этой области. Ее волнует, например, ослабление и даже потеря контактов с русистами на международной арене, определенное снижение уровня подготовки и переподготовки преподавательских кадров по специальности РКИ; ей «ностальгически тревожно» за состояние координационных контактов, совместных научно исследовательских работ, а также за состояние ФПК и заменяющих его организаций. Что касается «забвения» непосредственных задач преподавания РКИ в формировании личности учащегося, то здесь Галина Ивановна обращается к авторитету академика Щербы, который, как известно, призывал «изучать языковые связи между оттенками мысли и чувства». Она считает, что для характеристики русского менталитета совсем не лишнее вспомнить на уроках русского языка как иностранного такие пословицы, как «С миру по нитке – голому рубашка», «На миру и смерть красна», потому что они как нельзя лучше характеризуют исконный русский менталитет и, кстати, не имеют аналогов в иностранном фольклоре.

Перечисляя достижения практической русистики того времени, Галина Ивановна называет такие направления исследовательской и преподавательской работы, которые мы на сегодняшний день считаем как бы само собой разумеющимися: изучение механизмов коммуникации, разработка гибких моделей обучения, стремление обнаружить языковую форму через ситуацию, формирование логики мышления учащихся в соответствии с национальным русским мышлением и т. п.

В число обязанностей преподавателя РКИ помимо его педагогической деятельности, по мнению Галины Ивановны, входит защита чистоты русского языка, развитие общей языковой культуры как гаранта нравственного состояния общества. Этому, конечно, способствует педагогическое сотрудничество, осознание преподавателем задачи формирования языковой и социальной личности учащегося, использование методов проблемного обучения и многое другое. Но главное – это понимание того факта, что язык – живой организм, отражающий

жизнь общества, влияющий на него, что насущной потребностью времени является гуманитарное образование, помогающее нам воспитать членов будущего общества.

В доказательство этой мысли Галина Ивановна цитирует программу одного испанского университета, в которой говорится: «Следует поощрять в учащихся формирование определенной линии поведения, необходимой для гражданина интернационального общества, среди которого преобладают толерантность и взаимное уважение». Она выражает сожаление, что в программах по РКИ нет пока подобных рекомендаций.

Галина Ивановна заканчивает свой доклад такими словами: «Благожелательная уважительная атмосфера в группе друг к другу и к самому предмету – это и есть «надежды маленький оркестрик под управлением любви»».

Из всего этого можно сделать один единственный вывод. Мы должны учиться у Галины Ивановны Рожковой не только тому, как разрабатывать лингвистические основы нашего предмета и как учитывать их современную методическую интерпретацию. Мы должны учиться у нее мыслить масштабно, осознавать роль и назначение своего предмета в структуре современного общества, знать цели его существования и пути его развития, стараться быть достойными последователями его основоположников, к числу которых по праву принадлежит Галина Ивановна Рожкова.

Памяти Г.И. Рожковой

Друзья мои! Нынче прошел уже век,
С тех пор, как родился на свет человек,
Отдавший всю душу, все силы свои
Тому, что сегодня зовут РКИ.

И жизнь он свою не напрасно прожил,
Основы науки большой заложил.
Он высказал много прекрасных идей,
Он к ней подготовил достойных людей.

Ведь люди теперь забывают порой,
Что каждому подвигу нужен герой.
Галине Ивановне низкий поклон
За подвиг, который ей был совершен.

Теперь я напомню вам притчу одну,
Вы сами поймете ее глубину.
Копали криницу в прохладной тени,
Напиться водицы желали они.

И годы труда не прошли без следа,
Чиста и прохладна в кринице вода.

О, путник, не бойся, уйти не спеши,
Напейся, умойся в прохладной тиши.

А тот, кто напьется, тот жаждет еще,
И тропкам к кринице теряется счет.
Вся наша наука шагает вперед,
Но помнит, откуда истоки берет.

G.I. Rozhkova's Spiritual Will

V.V. Dobrovolskaya,
Lomonosov Moscow State University
***E-mail**: lera812712104@gmail.com*

The coming year will mark the 100th anniversary of birth of G.I. Rozhkova, one of the founders of the discipline "Russian as a foreign language". The author recalls one of the last public speeches of G.I. Rozhkova and shows the actuality and contemporaneity of her ideas and methodological principles for modern linguodidactics.

***Key words**: G.I. Rozhkova, Russian as a foreign language, linguodidactics, Methodology of teaching Russian as foreign language, anniversary.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2020-4-48-50

Студенческая интернациональная наука в РТУ МИРЭА

Е.Н. Тарасова,
Российский технологический университет МИРЭА
E-mail: *mitxt-rki@yandex.ru;*
Ф.С. Макоева,
Российский технологический университет МИРЭА
E-mail: *fatima68@bk.ru*

Статья рассказывает о ежегодной научно-технической конференции студентов и аспирантов технологического университета, в 2020 году проходившей с 25 по 30 мая, а именно о той ее части, в которой впервые в рамках конференции свои научные доклады презентовали студенты Института международного образования.

Ключевые слова: *научная коммуникация, профессиональный аспект, техническая лексика.*

Вот уже 5 лет Российский технологический университет проводит научно-техническую конференцию для студентов и аспирантов, целью которой является активное вовлечение в современные научные технологические процессы мотивированной молодежи, рассмотрение проблем ключевых наук: радиотехники, кибернетики, электроники, микробиологии, химии и др.

Впервые в рамках конференции свои научные доклады презентовали студенты Института международного образования. Со словами приветствия к участникам заседания обратилась заместитель первого проректора Ирина Сергеевна Солунова, отметившая, что интерес к русскому языку и российскому образованию продолжает объединять множество людей во всем мире и что обсуждение актуальных научных вопросов, трансляции лучших современных практик, обмен опытом будут способствовать формированию профессиональных компетенций у учащихся. Организаторами секции «Коммуникация на русском: профессиональный аспект» стали преподаватели кафедры русского языка (как иностранного) Института международного образования: заведующая кафедрой русского языка (как иностранного) Елена Николаевна Тарасова, выступившая с докладом «Современная парадигма изучения технической лексики в рамках РКИ», доцент Фатима Сослановна Макоева, старший преподаватель Светлана Станиславовна Гульянц.

Интересным условием участия в работе этой секции для студентов-иностранцев было то, что заранее был объявлен конкурс на лучший доклад-презентацию. Умение вести речевую профессиональную деятельность, используя специальную терминологию на русском языке, восприятие и успешное порождение иностранными обучающимися русскоязычного текста – основное условие попадания в число призеров. Членами жюри были: доцент кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении МПГУ Татьяна Павловна Чипкова и доцент кафедры довузовского обучения

русскому языку как иностранному МПГУ Аяна Борисовна Сат.

Иностранные студенты из Анголы, Гватемалы, Сирии, Зимбабве, Вьетнама, Узбекистана, Украины, Китая, Монголии, Нигерии приняли очень активное участие в конференции в качестве докладчиков. Все студенты продемонстрировали презентации по своим научным направлениям, но объединенные общей тематикой – профессиональная коммуникация на русском языке.

Так, научной терминологии на русском языке были посвящены работы Содикова Собирджона «Использование терминологической лексики на русском языке в моей будущей профессии в Узбекистане», Ишимве Фабриса «Коммуникативный аспект в изучении РКИ с целью усвоения языка специальности (на примере информатики)», «О значении русского языка в профессиональной коммуникации на Украине сегодня и завтра» рассказывала Черникова Александра, Ван Линьфан проиллюстрировал «Значение изучения русского языка для будущей профессиональной карьеры в Китае».

Об использовании русского языка в учебно-научных целях рассказывали в следующих выступлениях: «Этические нормы профессиональной речи будущего инженера» Галютин Леонид, «Эстетический подход в изучении языка специальности на русском» Оргилмаа Анударь, «Коммуникация на русском языке в учебной ситуации (на примере естественнонаучной дисциплины)» Тандера Танака, «Коммуникативный аспект в изучении РКИ с целью усвоения языка специальности (на примере информатики)» Эдвин Корнехо, «Особенности жанра лекции в условиях дистанционного обучения: трудности усвоения материала на русском языке» Олува Фолаиймика Акинола, «Краткосрочное изучение русского языка в целях профессиональной коммуникации» Масиас Сизофф Катерина.

Необходимо отметить, что все работы были интересные и сопровождались содержательными презентациями. Иностранные студенты очень серьезно подошли к поставленной перед ними цели. Членам жюри было нелегко выбрать лучшие работы, но в итоге места распределились следующим образом:

1 место – Жамгочян Хамесд (Сирия): «Научный стиль речи: особенности употребления (на примере «Микробиологии»)», химико-биологический профиль.

2 место – Чан Ань Ту (Вьетнам): «Трудности усвоения вьетнамскими студентами математических терминов на русском языке», профиль «Информационные технологии».

3 место – Габриел Лаерсиу: «Особенности терминологической системы на русском языке в «Программировании», профиль «Информационные технологии».

Все презентации, подготовленные студентами Института международного образования, были размещены на Учебном портале РТУ МИРЭА, где появились письменные положительные отзывы о работах и выступлениях, что показывает интерес иностранных студентов к теме конференции, их желание заниматься научно-исследовательской деятельностью в стенах нашего университета.

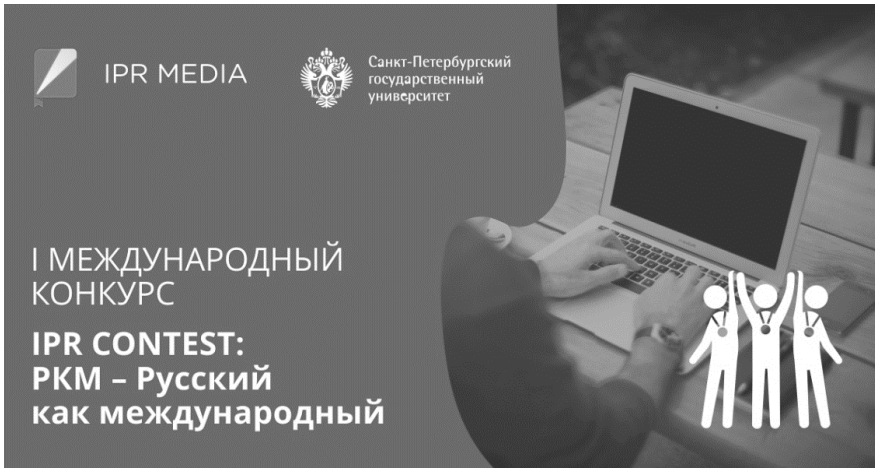
В дальнейшем нам хотелось бы расширить аудиторию участников конференции и пригласить к участию студентов из других вузов Москвы.

International student science in RTU MIREA

E.N. Tarasova,
Russian Technological University MIREA
***E-mail**: mitxt-rki@yandex.ru;*
F.S. Makoeva,
Russian Technological University MIREA
***E-mail**: fatima68@bk.ru*

The article tells about the annual scientific and technical conference of students and postgraduates of Technological University, held from May 25 to 30, where the students of the Institute of International Education presented their scientific reports for the first time within the framework of the conference.

***Key words**: scientific communication, professional aspect, technical vocabulary.*



В 2021 году компания IPR MEDIA и СПбГУ организуют международный конкурс публикаций и образовательного контента по РКИ «IPR CONTEST: РКМ – Русский как международный». Конкурс проводится с 1 января 2021 по 1 октября 2021 года на «Платформе РКИ». Партнеры конкурса – РОПРЯЛ и Фонд «Русский мир».

К участию в конкурсе приглашаются:

- преподаватели русского языка как иностранного и неродного российских и зарубежных учебных заведений,
- преподаватели, осуществляющие частную практику преподавания РКИ в России и за рубежом.

Участие в конкурсе бесплатное!

Номинации конкурса:

1) Лучший российский учебник РКИ:
– для уровня А1-В1,
– уровня В2-С2,
– по языку специальности,
– для билингвов.
2) Лучший зарубежный учебник РКИ.
3) Лучшее мультимедийное (интерактивное) издание.
4) Лучший онлайн-урок, подготовленный на платформе РКИ.
5) Лучший онлайн-курс (инструкция для авторизованных пользователей.

Для участия в конкурсе необходимо:

- Зарегистрироваться или авторизоваться на «Платформе РКИ».
  Если ранее вы не регистрировались на платформе «Русский как иностранный» ros-edu.ru и у вас нет кода приглашения, нажмите на ссылку «У меня нет кода приглашения». Система направит вас на соответствующую страницу регистрации. При регистрации в разделе «Выбрать аффилиацию» выберите #конкурс_рки. В поле «Уточните тип пользователя» выберите «Преподаватель».
- В личном кабинете преподавателя в разделе «Мои мероприятия» вы найдете положение о конкурсе, а также кнопку «Подать заявку на конкурс» – нажмите на нее и заполните анкету претендента.

После подачи заявки с вами свяжется организационный комитет. Участников конкурса ждут ценные призы.

Подробнее о конкурсе можно узнать по ссылке https://clck.ru/SeLaA.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Дальневосточный федеральный университет»

Восточный институт – Школа региональных

и международных исследований

Кафедра русского языка и литературы

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас принять участие во Всероссийской научной конференции с международным участием «Русский синтаксис: от конструкций к функционированию», посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной.

Конференция состоится ***11–12 октября 2021*** года на базе Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток.

Планируется смешанная – онлайн, очная и заочная – форма проведения.

Направления работы конференции:

- синтаксис конструкций,
- синтаксис текста,
- синтаксис частей речи,
- русская пунктуация,
- лексикографическое описание служебных слов как отражение русского синтаксиса,

- сопоставительные исследования в области синтаксиса,
- преподавание синтаксиса в вузе и школе.

По итогам конференции предполагается издание электронного сборника с последующим включением в базу данных РИНЦ и присвоением ISBN.

Срок приема заявок – до 30 марта 2021 года в электронной форме с пометкой «Фамилия заявка» по адресу dvfu-kaf-rus@yandex.ru.

Срок приема полных текстов статей – до 30 сентября 2021 года включительно в электронной форме с пометкой «Фамилия статья» по адресу dvfu-kaf-rus@yandex.ru.

Заявка на участие в конференции заполняется **каждым участником**, включая соавторов.

Заявки и тексты докладов **студентов и магистрантов** принимаются к рассмотрению и публикации **только в соавторстве с научным руководителем.**

Глубокоуважаемые коллеги!

«Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература» (учредитель – Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание») приглашает вас воспользоваться новой научной площадкой для обсуждения актуальных аспектов фундаментальных и прикладных исследований, а также для презентации полученных результатов в различных областях лингвистики, литературоведения, психолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии и методики преподавания русского языка и литературы в российской и иноязычной аудиториях.

В настоящее время идет прием статей в номера, которые будут выходить в 2021 г.

В структуре журнала предусмотрены следующие рубрики:

- «Методологические проблемы русистики»,
- «Лингвистика: слово, высказывание, текст, дискурс»,
- «Русский язык в мире»,
- «Русский язык в зеркале других языков»,
- «Современная речевая культура»,
- «Русская литература в контексте современной культуры»,
- «История русского языка и книжности»
- «Теория и методика преподавания русского языка как иностранного»,
- «Лингводидактическое тестирование»,
- «Русская словесность в школе»,
- «Новое поколение стандартов и учебных программ»,
- «Школа молодого преподавателя»,
- «Учебно-методические материалы»,
- «Критика и библиография»,
- «Научная жизнь» (конференции, симпозиумы, конгрессы и др.),
- «Русская словесность в лицах».

Периодичность выхода журнала – один номер в квартал. Все присланные материалы проходят анонимное рецензирование**.** Каждой статье присваивается DOI. Журнал зарегистрирован в электронной библиотеке РИНЦ и размещается в ней постатейно (https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=74595).

Публикация бесплатная.

Приглашаем вас, ваших коллег и учеников (магистрантов и аспирантов) поделиться результатами своих научных и научно-методических исследований на страницах нашего журнала! Политика журнала предусматривает также публикацию рецензий на книги, отчетов о конференциях, анонсов предстоящих мероприятий и др.

Требования к оформлению публикаций размещены на сайте издания: http:// professor-rusist.ru . Там же можно познакомиться с материалами опубликованных номеров журнала.

Ждем ваши статьи и материалы по адресу: professor_rll@mail.ru .

С уважением,
Главный редактор журнала
член-корреспондент Российской академии образования,
доктор педагогических наук, профессор
Любовь Павловна Клобукова

Требования

к оформлению статей и материалов, подаваемых в

«Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература»

К публикации принимаются статьи и материалы на русском и английском языках. Все материалы, предлагаемые авторами для публикации, направляются на электронный адрес professor_rll@mail.ru.

- **Формат файла: *doc, *docx или *rtf.**
- Если Ваша статья содержит таблицу, схему, рисунки, убедительная просьба присылать статью также и в формате *pdf, так как эти объекты могут смещаться, деформироваться или теряться.
- **Объем подаваемых материалов:** Статья – от 12 000 до 25 000 знаков с пробелами. Рецензии и информация о научных конференциях – до 12 000 знаков с пробелами.
- **Параметры страницы**: Размер бумаги – А4; ориентация – книжная; все поля 2 см. Страницы не нумеруются. Опция «Перенос» не используется.
- **Заголовок** статьи помещается по левому краю, 16 pt Times New Roman, полужирный. Первое слово с прописной буквы, дальше строчные буквы (не CapsLock).
- **Имя, отчество и фамилия автора (авторов)** помещаются по левому краю, 12 pt Times New Roman, полужирный, курсив. После запятой с новой строки со строчной буквы указываются ученая степень, ученое звание, должность с указанием места работы (12 pt Times New Roman, курсив). Строкой ниже дается адрес электронной почты автора (авторов) статьи. Далее с новой строки помещается **аннотация на русском языке**. 10 pt Times New Roman, курсив, выравнивание по ширине. **Объём аннотации** – 500–600 знаков с пробелами. Слово «Аннотация» не пишется, только сам текст. Далее с новой строки после слов «***Ключевые слова***» (10 pt Times New Roman, полужирный, курсив) помещаются **ключевые слова на русском языке** (не более 5 понятий, 10 pt Times New Roman, курсив, выравнивание по ширине).
- **Текст статьи:** 12 pt Times New Roman, междустрочный интервал одинарный. Выравнивание по ширине. **Абзацный отступ** – 1,25 см – выполняется через меню Формат–Абзац, не табуляцией или пробелами. **Сноски** оформляются в конце документа. Если в Вашей статье используются редкие шрифты или специальные символы, убедительная просьба прилагать к статье файл со шрифтом!
- **Таблицы** оформляются **автоматически** через соответствующие опции (не рисуются вручную с помощью линий и табуляции).
- **Картинки, схемы и рисунки** вставляются как «**врезанный**» объект, обязательно нумеруются и именуются.
- **Литература** приводится после текста статьи. Слово **Литература** помещается по центру, 12 pt Times New Roman, полужирный. Список источников в алфавитном порядке (без нумерации), 10 pt Times New Roman, фамилия автора/авторов выделяется курсивом. В тексте ссылка на источник оформляется **в квадратных скобках** по образцу: [Золотова 1974: 56]. Ссылки на библиографические источники оформляются по ГОСТу.
- В конце публикации помещаются **библиографические данные** статьи **на ан-**

глийском языке: **заголовок статьи** по левому краю, 16 pt Times New Roman, полужирный; первое слово с прописной буквы, дальше строчные (не CapsLock); **имя и фамилия автора (авторов)** в той форме, как они именуют себя в англоязычных публикациях, по левому краю, 12 pt Times New Roman, полужирный, курсив; после запятой с новой строки со строчной буквы указывается научная степень, должность, место работы (12 pt Times New Roman, курсив); с новой строки дается адрес электронной почты автора (авторов) статьи. Далее с новой строки помещается **аннотация на английском языке**. 10 pt Times New Roman, курсив. Слова «Abstract/ Summary» не пишутся, только сам текст. Далее с новой строки после слов «***Key words***» (10 pt Times New Roman, полужирный, курсив) помещаются **ключевые слова на английском языке** (не более 5 понятий). **Для выделения** в тексте **используется** полужирный шрифт, а также разрядка. Подчеркивание не допускается. Курсив используется только для языковых иллюстраций.

- **Буква Ё** употребляется только для смыслоразличения (*все/всё* и под.). При необходимости допускается также употребление буквы Ё в языковых иллюстрациях (примерах).
- В качестве **тире**, в том числе между цифрами, употребляется символ «короткое тире» (не длинное тире и не дефис).
- При написании общепринятых сокращений типа *т. е., и т. д., и т. п.*, а также между инициалами и фамилией ставится **неразрывный пробел** (комбинация клавиш Shift+Cntrl+пробел).

Редколлегия журнала оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные с нарушением обозначенных требований!